С. В. ТРОИЦКІЙ.

БИБЛІОТЕКА-
ДУХОВЕНСТВА.

ЧТО ТАКОЕ МОДЕРНИЗМЪ.

(Энциклика Пія X „Pascendi Dominici gregis“ и ея значеніе)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Монтвида, Конная ул., д. № 3—5.
1908.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
2108
96

БИБЛІОТЕКА
ДУХОВЕНСТВА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Модернизмъ несомнѣнно является крупнѣйшимъ религіознымъ движеніемъ въ католическомъ мірѣ. Прежнія оппозиціонныя теченія или имѣли только мѣстный интересъ (напр. галликанизмъ) или, ограничиваясь отверженіемъ одного какого нибудь догмата римской церкви, имѣли лишь слабое вліяніе на мало интересующееся чисто богословскими вопросами современное общество и остались движеніями кабинетными, а не жизненными. Какъ на болѣе крупный примѣръ можно указать здѣсь на старо-католичество.

Другое дѣло модернизмъ. Модернизмъ—явленіе не національное, хотя и окрашенное національными особенностями, а явленіе обще-католическое, охватившее весь католическій міръ, начиная отъ центра этого міра—Италіи и старшей дочери Церкви Франціи, кончая полупротестантскими Германіей, Англіей и Америкой. Не остались чужды ему и славянскія страны Австріи и русская Польша.

Но не во внѣшней только распространенности значеніе модернизма. Онъ затрагиваетъ и затрагиваетъ до самыхъ корней всю систему католическаго міросозерцанія, вопросы не только чисто религіозные, но и нравственные, интеллектуальные и соціальные и при томъ со стороны наиболѣе понятной, наиболѣе близкой современному обществу. „Первый шагъ сдѣланъ протестантствомъ, пишетъ папа въ своей буллѣ, второй дѣлаетъ модернизмъ“. Дѣйствительно модернизмъ по своему значенію можетъ быть поставленъ на ряду съ такимъ грандіознымъ движеніемъ, какъ протестантство.

Модернизмъ можно сравнивать съ протестантствомъ не

только по его значенію, но и по характеру. Онъ основывается въ своей метафизикѣ на томъ же Кантѣ, на которомъ основывается и новое протестантское богословіе и который, по ходячему выраженію, былъ продолжателемъ дѣла Лютера, а въ ученіи о происхожденіи религіи изъ чувства онъ слѣдуетъ великому протестантскому богослову—Шлейермахеру.

Если модернизмъ является важнѣйшимъ религіознымъ движеніемъ на западѣ, то направленная противъ него булла „Pascendi Dominici", по общему признанію является важнѣйшимъ событіемъ въ католичествѣ, опредѣлившемъ дальнѣйшее направленіе его жизни и, быть можетъ, въ значительной мѣрѣ всю его дальнѣйшую судьбу. Эта булла всесторонне и безповоротно выяснила отношеніе Ватикана къ новому движенію и не только къ нему, а и отчасти ко всей послѣсхоластической мысли, отношеніе безусловно отрицательное въ первомъ случаѣ и несочувственое во второмъ и теперь католичеству придется нести всѣ послѣдствія такого рѣшенія.

Православный міръ не долженъ, да и не можетъ отнестись безучастно къ новому движенію, и не только потому, что это движеніе христіанское. Недавно въ книжкѣ католическаго журнала Echos d' Orient (nevember 1907) намъ пришлось прочесть довольно ядовитое замѣчаніе по адресу православныхъ богослововъ, злорадствующихъ будто бы по поводу безуспѣшной борьбы папы съ модернизмомъ. „Легко православнымъ богословамъ, пишетъ католикъ, осуждать папу за то, что онъ не можетъ справиться съ умственными движеніями въ католичествѣ: вѣдь въ православной церкви и нѣтъ никакихъ умственныхъ движеній, такъ что справляться здѣсь не съ чѣмъ" (цитую по памяти). Замѣчаніе это свидѣтельствуетъ о плохомъ знакомствѣ автора съ новѣйшей исторіей религіозной мысли, особенно, русской, въ православномъ мірѣ.

Между тѣмъ, что переживается церковными обществами обѣихъ церквей въ настоящую минуту существуетъ нѣкоторый параллелизмъ. Въ православной русской церкви и отчасти въ болгарской и сербской, какъ и въ церкви католической, есть признаки какого-то религіознаго пробужденія, стремленія къ синтезу вѣры и цивилизаціи и къ связанной

съ этимъ реформѣ церковнаго строя.

Наши „обновленцы“ даже по названію своему напоминаютъ западныхъ модернистовъ. Мы не склонны, конечно, преувеличивать размѣры этого параллелизма. Модернизмъ борется главнымъ образомъ противъ связи католичества со схоластикой, противъ возведенія ея на степень догмата и имѣетъ характеръ теоретическій, между тѣмъ православіе никогда не возводило измышленій человѣческой мудрости на одну ступень съ божественной истиной и потому наше движеніе, нисколько не отрываясь отъ церковнаго источника истины, борется лишь за осуществленіе этой истины въ жизни и имѣетъ характеръ практическій.

Тѣмъ не менѣе отголоски обѣихъ борющихся на западѣ направленій религіозной мысли успѣли проникнуть и къ намъ, и нерѣдко отражаются и въ нашихъ богословскихъ трудахъ, а съ этой стороны булла глубоко поучительна для православнаго богослова. Въ своей отрицательной части, въ критикѣ модернизма, булла показываетъ, къ какимъ безнадежнымъ выводамъ пришелъ модернизмъ, отчаявшись найти истину въ католичествѣ и не имѣя силъ найти другой критерій для нея, кромѣ личнаго чувства. Въ этомъ—неоспоримая заслуга буллы не только предъ католичествомъ, но и предъ всѣмъ христіанскимъ міромъ.

Но едва ли не съ большею убѣдительностью доказываетъ булла теоретическую и моральную односторонность современнаго направленія самаго католичества, въ своей положительной части, въ изложеніи взглядовъ Ватикана на затрагиваемыя модернистами темы и въ перечисленіи мѣропріятій своихъ противъ нихъ.

Попытка замѣнить строгіе научные пріемы старой схоластикой, хотя и послѣдовательна съ католической точки зрѣнія, является чудовищнымъ анахронизмомъ и ставитъ католичество въ полную невозможность отвѣчать на вопросы не только жизненно практическіе, но даже чисто богословскіе. Вѣдь кромѣ схоластической философіи и основывающагося на ней схолостическаго богословія существуютъ и св. Писаніе и Преданіе и основывающееся на нихъ позитивное богословіе, отвергнуть которое также нельзя. Булла такъ и дѣлаетъ, признавая на ряду со схоластикой и позитивное богословіе. Но что дѣлать, когда то и другое бого-

словіе не согласны другъ съ другомъ? А такъ какъ схоластики во главѣ съ прославляемымъ буллой „ангельскимъ учителемъ“ Ѳомой Аквинатомъ предпочитали Аристотеля Св. Писанію, то такіе случаи весьма не рѣдки. Напр., схоластики, слѣдуя Аквинату, насчитывали семь степеней іерархіи и епископство не считали ни степенью, ни таинствомъ, а позитивное богословіе насчитываетъ ихъ три и считаетъ епископство степенью и таинствомъ. Нельзя совмѣстить несовмѣстимое и для католическаго богословія остается невеселый путь недомолвокъ, неясностей, увертокъ и т. п. Въ тѣсной связи съ теоретической несостоятельностью буллы стоитъ и несостоятельность моральная. Вѣдь если схоластика даетъ всю истину и стоитъ почти наравнѣ съ откровеніемъ, то модернисты отвергающіе схоластику и ищущіе новыхъ путей въ религіозной философіи есть не заслуживающіе сочувствія и сострадания ревностные, хотя быть можетъ и неудачные, искатели истины, а злѣйшіе ея противники, опаснѣйшіе еретики, заслуживающіе только церковныхъ наказаній. Такъ и смотритъ на нихъ энциклика. Ничего отеческаго, пастырскаго въ ней нѣтъ. Она видитъ во всѣхъ стремленіяхъ модернистовъ только вредную, излишнюю пытливость, гордыню и невѣжество. Нельзя безъ тяжелаго чувства читать послѣднюю часть энциклики, написанную будто бы лично папой, гдѣ подробно описывается сложная система сыска и доносовъ, которую Римъ противопоставляетъ горячему стремленію молодыхъ умовъ католическаго міра къ большему религіозному просвѣтлѣнію. Отъ этого сыска не избавлены даже и епископы.

Раскрывая воочію ложность обоихъ главныхъ направленій западной богословской мысли, булла показываетъ тотъ путь, которому должно слѣдовать богословіе православное. Оффиціальное католичество, основываясь на Аристотелѣ и Аквинатѣ, источникъ вѣры видитъ въ разумѣ и создаетъ систему интеллектуальнаго догматизма. Модернисты, основываясь на Кантѣ и Шлейермахерѣ, видятъ источникъ вѣры въ волѣ и чувствѣ и создаютъ систему догматизма мистически—моральнаго. Дѣло православнаго богословія показать, что и тамъ и здѣсь нѣтъ истины или вѣрнѣе только часть истины, что вѣра коренится глубже отдѣльныхъ способностей человѣческаго духа, въ самомъ сознаніи и только проявляется во

всѣхъ ихъ, въ ихъ гармоническомъ взаимоотношеніи и объединить такимъ образомъ два противоположныя направленія западной богословской мысли въ высшемъ синтезѣ.

Православное богословіе уже давно вступило на этотъ путь и несомнѣнно пойдетъ по нему и далѣе.

Если мы привѣтствуемъ модернизмъ, то вовсе не по злорадству, какъ думаетъ католическій богословъ, а по совершенно другимъ причинамъ. Прежде всего мы сочувствуемъ модернистамъ, поскольку появленіе ихъ вызвано законною неудовлетворенностью религіозными формами католичества. А такъ какъ модернисты, давая всѣмъ догматамъ католичества другой смыслъ, не отвергаютъ ни одного изъ нихъ и рѣшительно не желаютъ выходить изъ католической церкви, то мы надѣемся что это движеніе послужитъ къ устраненію многихъ важнѣйшихъ недостатковъ въ жизни и ученіи католичества и черезъ это послужитъ дѣлу сближенія вѣрующихъ обѣихъ церквей, поможетъ смягченію и конечному исчезновенію историческаго раскола между ними, а не поведетъ къ дальнѣйшему раздѣленію и слѣдовательно ослабленію христіанства, подобно протестантству. Другими словами, признавая односторонними и неистинными, какъ католическую схоластику и интеллектуализмъ, такъ и модернистическій мистицизмъ, мы надѣемся, что борьба между этими двумя религіозными міросозерцаніями, заключенными въ предѣлахъ одного церковнаго общества, рано или поздо заставитъ ихъ искать примиренія въ высшей точкѣ зрѣнія, что сблизитъ католичество съ православіемъ.

Обширная энциклика раздѣляется на три части. Въ первой части дается систематическое изложеніе ученія модернистовъ. Эта часть особенно интересна для русскаго читателя, такъ какъ въ русской, весьма впрочемъ небольшой литературѣ, о модернизмѣ до сихъ поръ не было такого полнаго, хотя и тенденціознаго, изложенія модернизма. Во второй части указываются причины появленія и развитія модернизма.

Наконецъ третья перечисляетъ цѣлыхъ семь мѣръ для борьбы съ модернизмомъ.

Въ латинскомъ оригиналѣ, съ котораго сдѣланъ нашъ переводъ нѣтъ никакого дѣленія буллы на рубрики, но въ переводахъ напр. французскомъ (въ Etudes 1907 5 et 20

Octobre), англійскомъ (The American Catholic Qarterly Review, October 1907), нѣмецкомъ (въ отдѣльномъ прекрасномъ изданіи проф. Michelitsch'a. Изд. 2. Graz undб Wien. 1908). болгарскомъ (Църковенъ Вѣстникъ, за 1907 г. перев. Цанкова) рубрики есть и, въ цѣляхъ болѣе легкой оріентировки въ содержаніи буллы, мы внесли ихъ и въ русскій переводъ.

Энциклика Папы Пія X объ ученіи модернистовъ.

Патріархамъ, примасамъ, архіепископамъ, епископамъ и другимъ мѣстнымъ начальникамъ, имѣющимъ миръ и общеніе съ апостольской каѳедрой.

Пій X, папа.

Достопочтенные братья. привѣтствіе и апостольское благословеніе.

Порученная Намъ свыше обязанность пасти стадо Господа включаетъ въ себя прежде всего возложенный Христомъ долгъ самымъ бдительнымъ образомъ охранять залогъ преданной святымъ вѣры, отражая невѣжественныя новшества мысли и вражду лжеименнаго знанія. Хотя такое попеченіе верховнаго пастыря было необходимо всегда, такъ какъ благодаря врагу человѣческаго рода никогда не было недостатка въ людяхъ, говорящихъ превратно [1]), пустословахъ и обманщикахъ [2]), вводящихъ въ заблужденіе и заблуждающихся [3]. Однако нужно признать, что въ это послѣднее время еще увеличилось число враговъ креста Христова, которое съ совершенно новымъ искусствомъ и чрезвычайнымъ коварствомъ пытаются уничтожить жизненную силу Церкви и, если можно, до основанія разрушить самое царство Христово. Поэтому Намъ недозволительно долѣе молчать, чтобы не показалось, что мы не исполняемъ своего священнѣйшаго долга и чтобы доброта, которую Мы, надѣясь на исправленіе, проявляли до сихъ

[1]) Дѣян. 20, 30.
[2]) Тит. 1, 10.
[3]) 2 Тит. 3, 13.

поръ, не была сочтена за забвеніе обязанности. Насъ заставляетъ не медлить прежде всего то, что творцы заблужденій находятся не только между открытыми врагами; поистинѣ всего печальнѣе и страшнѣе всего то, что они скрываются въ самомъ нѣдрѣ и лонѣ Церкви, и являются тѣмъ болѣе вредными, чѣмъ менѣе они замѣтны. Мы говоримъ, достопочтенные братья, о многихъ изъ числа католиковъ-мірянъ и, что еще болѣе печально, священниковъ, которые, при какой-то ложной любви къ Церкви, безъ основательнаго знанія философіи и богословія, наоборотъ, до мозга костей пропитанные ядовитыми доктринами, почерпнутыми у враговъ Церкви, презрѣвъ всякую скромность, выдаютъ себя за обновителей этой же Церкви; которые сомкнутымъ строемъ дерзко набрасываются на все самое святое въ дѣлѣ Христа и на самую личность Примирителя, которую они въ святотатственной смѣлости принижаютъ до простой и чистой человѣчности.

Хотя люди такого рода сами и удивляются, что Мы причисляемъ ихъ къ врагамъ Церкви, однако тотъ по справедливости не удивится, кто, оставивъ въ сторонѣ намѣренія ихъ души, судить о которой свойственно Богу, изслѣдуетъ ихъ доктрины и характеръ ихъ рѣчей и дѣйствій. Ибо не отступитъ отъ истины тотъ, кто признаетъ ихъ врагами Церкви и при томъ болѣе вредными, чѣмъ всѣ остальные. Ибо они не внѣ Церкви, а внутри ея, какъ мы сказали, осуществляютъ свои намѣренія относительно ея гибели и поэтому опасность находится въ самыхъ жилахъ и внутренностяхъ Церкви, нанося ей тѣмъ болѣе вѣрные удары, чѣмъ ближе знаютъ они Церковь. Они кладутъ сѣкиру не къ вѣтвямъ и отросткамъ, а къ самому корню, къ самой вѣрѣ и къ самымъ глубочайшимъ фибрамъ. Затѣмъ, исторгнувъ этотъ корень безсмертія, они стараются распространить ядъ по всему дереву такъ, чтобы не осталось ни одной части католической истины, на которую они не наложили бы свою руку и не постарались бы извратить. Далѣе, прилагая тысячи пріемовъ, чтобы повредить Церкви, они употребляютъ, какъ самый хитрый и вѣроломный пріемъ, отождествленіе католика съ раціоналистомъ, дѣлая это такъ искусно, что легко вводятъ въ заблужденіе всякаго неосторожнаго; и затѣмъ, охваченные этимъ безумiемъ, они не останавливаются

ни передъ какими выводами или скорѣе навязываютъ ихъ настойчиво и увѣренно. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ свойственны качества, помогающія имъ вліять на души: жизнь, полная дѣятельности, постоянство и особенный жаръ во всякаго рода научныхъ занятіяхъ, слава по большей части строгаго образа жизни. Наконецъ, что почти отнимаетъ надежду на ихъ исцѣленіе, они въ душѣ настолько испорчены своими ученіями, что презираютъ всякую власть и не принимаютъ никакой узды, и, полагаясь на какую-то ложную совѣсть, стараются приписать ревности къ истинѣ, то, что на самомъ дѣлѣ должно быть приписано ихъ гордости и упорству. Конечно, Мы когда-то надѣялись исправить этихъ людей, пользуясь для этого сначала кротостью, какъ къ сыновьямъ, затѣмъ строгостью, наконецъ, противъ воли, публичнымъ увѣщаніемъ. Но вы знаете, достопочтенные братья, что мы дѣлали это напрасно: они на минуту склоняютъ голову, чтобы тотчасъ же поднять ее еще выше. Если бы дѣло шло только о насъ, то, быть можетъ, мы и могли бы умолчать, но дѣло идетъ о католической религіи. Поэтому необходимо прервать молчаніе, которое въ дальнѣйшемъ становится преступленіемъ, чтобы показать всей Церкви этихъ плохо замаскированныхъ людей, каковы они на самомъ дѣлѣ.

Раздѣленіе Энциклики. А такъ какъ одинъ изъ самыхъ хитрыхъ пріемовъ модернистовъ (какъ они справедливо называются въ народѣ) состоитъ въ томъ, чтобы излагать свое ученіе не въ системѣ и не въ цѣломъ, но въ отрывкахъ и въ несвязныхъ положеніяхъ, чтобы оно показалось двусмысленнымъ и неопредѣленнымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ихъ идеи вполнѣ опредѣленны и ясны, то сначала слѣдуетъ сдѣлать общій обзоръ ихъ ученія и показать объединяющую ихъ логическую связь, чтобы потомъ найти причины заблужденій и предложить лекарство противъ нихъ.

I.

Анализъ ученія модернистовъ.

Чтобы разобраться въ этомъ запутанномъ предметѣ, нужно прежде всего замѣтить, что во всякомъ модернистѣ дѣйствуютъ и какъ бы смѣшиваются между собою нѣсколько лицъ, философъ, вѣрующій, богословъ, историкъ, критикъ, апологетъ, реформаторъ; тотъ, кто хочетъ правильно понять ихъ систему и дать отчетъ въ основаніяхъ и выводахъ ученія, долженъ разсматривать всѣ эти лица въ отдѣльности.

1. Модернистъ, какъ философъ.

Агностицизмъ. Въ основу своей религіозной философіи модернисты кладутъ доктрину, обычно называемую агностицизмомъ. По нему человѣческій разумъ вообще заключенъ въ сферѣ феноменовъ, т. е. вещей кажущихся и именно такихъ, какими онѣ кажутся и не имѣетъ ни возможности, ни права преступать эти границы. Поэтому онъ не можетъ ни возвышаться до Бога, ни познавать Его бытіе, чрезъ посредство видимыхъ вещей. Отсюда дѣлается выводъ, что Богъ никоимъ образомъ не можетъ быть объектомъ знанія (scientiae); а что касается исторіи, то Богъ всего менѣе можетъ считаться историческою личностью. Легко понять, какіе выводы дѣлаются отсюда по отношенію къ естественному богословію и мотивамъ вѣры, къ внѣшнему откровенію. Они просто уничтожаютъ ихъ, съ презрѣніемъ называютъ ихъ интеллектуализмомъ, системой, достойной лишь смѣха и уже умершей. Ихъ нисколько не удерживаетъ то обстоятельство, что Церковь самымъ яснымъ образомъ уже осудила всѣ такого рода чудовищныя заблужденія, такъ какъ Ватиканскій соборъ постановилъ: „Если кто скажетъ, что Богъ, единый и истинный, Творецъ и Господь нашъ, не можетъ быть познанъ черезъ твореніе свѣтомъ естественнаго человѣческаго разума, да будетъ анаѳема [1]); и такъ же: если кто скажетъ, что нельзя или что неполезно человѣку черезъ от-

[1]) De Revel.. can. 1.

кровеніе божественное познать Бога и подобающій Ему культъ, да будетъ анаѳема [1]) и наконецъ, если кто скажетъ, что божественное откровеніе не можетъ сдѣлаться достойнымъ вѣры, благодаря внѣшнимъ признакамъ и что поэтому люди должны побуждаться къ вѣрѣ однимъ только внутреннимъ опытомъ каждаго или частнымъ вдохновеніемъ, да будетъ анаѳема [2]).

Какимъ путемъ модернисты переходятъ отъ состоящаго только въ невѣдѣніи агностицизма къ состоящему, наоборотъ, изъ одного отрицанія научному и историческому атеизму; какимъ искусственнымъ соображеніемъ можно сдѣлать тотъ выводъ, что если Богъ не вмѣшивается въ исторію человѣческаго рода, то эту исторію нужно излагать, абсолютно исключивъ Бога, не вмѣшивающагося въ нее самымъ дѣломъ, пусть, пойметъ, кто можетъ. Для нихъ совершенно вѣрно и несомнѣнно, что наука и исторія должны быть атеистическими; какъ въ той, такъ и въ другой нѣтъ мѣста ни для чего, кромѣ феноменовъ, а Богъ, и все божественное совершенно изгнаны изъ нихъ. Сейчасъ мы увидимъ, какіе выводы слѣдуютъ изъ этого абсурднѣйшаго ученія относительно святѣйшей личности Христа, таинствъ Его жизни и смерти, воскресенія и вознесенія.

Имманентизмъ. Однако этотъ агностицизмъ составляетъ только отрицательную часть въ ученіи модернистовъ, а часть положительная состоитъ въ такъ называемой жизненной имманентности. Одно происходитъ изъ другого такимъ образомъ. Религія и естественная и сверхъестественная, какъ и всякій другой фактъ, нуждается въ объясненіи. Но такъ какъ естественное богословіе уничтожено и всякій доступъ къ откровенію закрытъ вслѣдствіе отверженія доказательствъ вѣры и сверхъ того всякое внѣшнее откровеніе отвергнуто, то напрасно искать этого объясненія внѣ человѣка. Итакъ, его нужно искать въ самомъ человѣкѣ, а такъ какъ религія есть нѣкоторая форма жизни, то искать его нужно вообще въ жизни человѣка. Отсюда и вытекаетъ принципъ имманентности религіи. Всякій жизненный феноменъ, къ

---

[1]) Ibid. can. III.

[2]) De Fide, can. III.

которымъ, какъ сказано, принадлежитъ и религія, происходитъ изъ потребности, импульса, или говоря опредѣленнѣе, отъ нѣкотораго движенія сердца, называемаго чувствомъ (sensus). Поэтому, такъ какъ объектъ религіи есть Богъ, должно заключить, что вѣра, являющаяся началомъ и основаніемъ всякой религіи, заключается въ какомъ-то внутреннемъ чувствѣ, возникающемъ изъ потребности въ божественномъ. Но эта потребность въ божественномъ, ощущаясь только въ извѣстныхъ и благопріятныхъ соединеніяхъ (complexibus), сама по себѣ не можетъ относиться къ области сознанія, и скрывается сначала ниже сознанія, или по терминологіи модернистической философіи въ подсознаніи (subconscientia), гдѣ находится ея скрытый, совершенно недоступный для разума корень. Какимъ же образомъ эта замѣчаемая человѣкомъ въ себѣ потребность въ божественномъ превращается въ религію? На это модернисты отвѣчаютъ: „Наука и исторія заключаются между двухъ границъ: одной внѣшней, т. е. видимымъ міромъ, другой внутренней—сознаніемъ. Когда доходятъ до той или другой границы, идти дальше уже нельзя, такъ какъ внѣ ихъ находится непознаваемое. Въ присутствіи этого непознаваемаго, находится ли оно внѣ человѣка и выше видимой природы вещей, скрывается ли оно внутри его въ подсознаніи, потребность въ божественномъ безъ всякаго предварительнаго сужденія мысли (въ чемъ и состоитъ чистый фидеизмъ) возбуждаетъ въ склонной къ религіи душѣ нѣкоторое особое чувство: и это чувство заключаетъ въ себѣ какъ объектъ и какъ свою внутреннюю причину самую божественную реальность и нѣкоторымъ образомъ объединяетъ человѣка съ Богомъ. Это-то чувство, называемое модернистами вѣрою, и есть начало религіи.

Но не здѣсь конецъ философствованію или, вѣрнѣе, сумасбродству. Ибо въ такомъ чувствѣ модернисты находятъ не только вѣру, но вмѣстѣ съ вѣрой и въ самой вѣрѣ, какъ они ее понимаютъ, заключается, по ихъ утвержденію, и откровеніе. Ибо чего еще можно требовать для откровенія? Развѣ это являющееся въ сознаніи религіозное чувство и Богъ являющійся въ душѣ, хотя и смутно, въ этомъ чувствѣ не есть откровеніе или, по крайней мѣрѣ, начало откровe-

нія? Они добавляютъ: такъ какъ Богъ есть объектъ вѣры и ея причина, то это есть откровеніе о Богѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Бога, Богъ есть и открывающій и открываемое. Отсюда, возлюбленные братья, нелѣпѣйшее утвержденіе модернистовъ, что всякая религія, смотря по точкѣ зрѣнія, есть и естественная и сверхъестественная. Отсюда тождество сознанія и откровенія. Отсюда законъ, по которому религіозное сознаніе выдается за общее правило, совершенно равное откровенію, которому должны быть подчинены всѣ и даже верховная власть въ Церкви, въ ученіи, въ культѣ и въ дисциплинѣ.

Выводъ: извращеніе исторіи религіи. Во всемъ этомъ процессѣ, изъ котораго, по мнѣнію модернистовъ, возникаютъ вѣра и откровеніе, нужно обратить особенное вниманіе на одинъ немаловажный пунктъ, на дѣлаемые ими отсюда историко-критическіе выводы. Не нужно думать, что непознаваемое обнаруживаетъ себя въ вѣрѣ въ обособленномъ и голомъ видѣ. Оно обнаруживается тѣсно связаннымъ съ какимъ-нибудь феноменомъ, который, хотя и принадлежитъ къ области науки и исторіи, однако въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лежитъ и внѣ ихъ, является ли этимъ феноменомъ какое-нибудь явленіе природы, содержащее въ себѣ что-то таинственное, или какой-либо человѣкъ, дѣла и слова котораго не согласуются, повидимому, съ общими законами исторіи. А тогда вызванная непознаваемымъ, соединеннымъ съ феноменомъ, вѣра охватываетъ весь феноменъ и нѣкоторымъ образомъ проникаетъ его своею жизнію. Отсюда происходятъ два слѣдствія. Во первыхъ съ феноменомъ происходитъ нѣчто вродѣ преображенія (transfiguratio) чрезъ его возвышеніе надъ свойственными ему границами, благодаря чему онъ становится болѣе приспособленной матеріей для той формы божественнаго, въ которую облекаетъ его вѣра. Во вторыхъ, если можно такъ выразиться, извращеніе (defiguratio) феномена, когда свободная отъ условій пространства и времени вѣра приписываетъ ему свойства, которыхъ онъ не имѣетъ на самомъ дѣлѣ, когда дѣло идетъ о феноменѣ прошлаго времени и тѣмъ болѣе, чѣмъ это время древнѣе.

Изъ этой двоякой операціи модернисты извлекаютъ два правила, которыя вмѣстѣ съ третьимъ, доставляемымъ агно-

стицизмомъ, составляютъ основу исторической критики. Пояснимъ примѣромъ, относительно личности Христа. Въ личности Христа, говорятъ они, наука и исторія не находятъ ничего кромѣ человѣка. Итакъ въ силу перваго правила, выводимаго изъ агностицизма, изъ Его исторіи нужно изъять все, что имѣетъ характеръ божественнаго. Далѣе, въ силу второго правила, историческая личность Христа преображена вѣрой, слѣдовательно отъ нея нужно отнять все, что возвышается надъ историческими условіями. Наконецъ, въ силу третьяго правила, эта же личность Христа извращена вѣрой: слѣдовательно отъ нея нужно отнять рѣчи, дѣла, словомъ все то, что не соотвѣтствуетъ Его характеру, положенію, Его воспитанію, мѣсту и времени, въ которыхъ Онъ жилъ.—Конечно это странное разсужденіе, но такова критика модернистовъ.

Итакъ религіозное чувство, вырывающееся въ силу жизненной имманетности изъ глубины подсознанія, есть зародышъ всякой религіи и вмѣстѣ съ тѣмъ причина всего того, что происходило или будетъ происходить въ религіозной области. Это, въ началѣ темное и почти безформенное, чувство, постепенно и подъ вліяніемъ того таинственнаго начала, которому оно обязано своимъ бытіемъ, развивается вмѣстѣ съ прогрессомъ человѣческой жизни, одной изъ формъ которой оно, какъ мы сказали, является. Такимъ путемъ и возникаютъ всѣ религіи, не исключая и сверхъестественныхъ: онѣ суть только раскрытія этого религіознаго чувства. И католическая религія не составляетъ исключенія отсюда: она одинакова со всѣми другими, ибо она возникла не иначе какъ путемъ жизненной имманентности въ сознаніи Христа, человѣка такой превосходной природы, какой никто не имѣлъ и имѣть не будетъ.—Кто слушаетъ это, безъ сомнѣнія охватывается ужасомъ предъ такими смѣлыми утвержденіями, предъ такимъ богохульствомъ! Но, достопочтенные братья, такое безуміе распространяютъ не одни невѣрующіе. Католики, даже многіе священники, открыто изъясняютъ это и такими безумствами хвалятся обновить церковь. Конечно здѣсь уже не говорятъ о старомъ заблужденіи, по которому природѣ человѣческой принадлежитъ право на сверхъестественный порядокъ. Это уже превзойдено! Утверждаютъ, что какъ въ человѣкѣ Христѣ, такъ и

АКАДЕМИ

въ насъ наша святая религія появилась благодаря природѣ, по ея волѣ. Возможно ли болѣе кореннымъ образомъ уничтожить все сверхъестественное! Поэтому съ полнымъ правомъ постановилъ Ватиканскій соборъ: Если кто скажетъ, что человѣкъ по волѣ Божіей не можетъ возвыситься до познанія или совершенства, превосходящихъ природу, но что онъ можетъ и долженъ самъ собою путемъ продолжительнаго прогресса достигать обладанія всею истиною и всѣмъ благомъ, да будетъ анаѳема.

Какъ возникаютъ догматы. Мы видѣли, достопочтенные братья, что до сихъ поръ не давалось мѣста разуму. Однако и онъ, по ученію модернистовъ, принимаетъ участіе въ дѣлѣ вѣры и нужно указать какое именно. Въ чувствѣ этомъ, говорятъ они, о которомъ мы часто говорили, поскольку оно есть чувство, а не познаніе, Богъ, хотя и открывается человѣку, но смутно и неопредѣленно, такъ что самимъ человѣкомъ оно почти и не различается.

Итакъ необходимо это чувство освѣтить какимъ-либо свѣтомъ, чтобы Богъ въ немъ явился и выдѣлился. А это—дѣло разума, коему свойственно размышлять и производить анализъ. Благодаря ему человѣкъ возникающіе въ немъ жизненные феномены сначала раздѣляетъ по видамъ, а затѣмъ обозначаетъ словами. Отсюда обычное выраженіе модернистовъ: религіозный человѣкъ долженъ мыслить (cogitare) свою вѣру. Итакъ мысль, приходя на помощь къ чувству и какъ бы склоняясь къ нему, дѣйствуетъ подобно художнику, который обводитъ контуры поблѣднѣвшей картины, чтобы они выступили рельефнѣе, какъ выясняетъ одинъ учитель модернистовъ. Въ этомъ дѣлѣ мысль дѣйствуетъ двоякимъ образомъ: во первыхъ естественно и непроизвольно, представляя дѣло въ простомъ, обыденномъ мнѣніи, во вторыхъ съ размышленіемъ и изученіемъ или, какъ говорятъ они, работая надъ мыслію, истолковывая эту первичную формулу посредствомъ болѣе глубокихъ и точныхъ производныхъ формулъ. Эти-то производныя, вторичныя (secundariae) формулы, если онѣ санкціонированы верховнымъ учительствомъ церкви, и составляютъ догматы.

Такимъ образомъ мы пришли къ главному пункту ученія модернистовъ — происхожденію догмата и его

природѣ. Начало догмата они видятъ въ тѣхъ первичныхъ и простыхъ формулахъ, которыя въ нѣкоторомъ отношеніи необходимы для вѣры, такъ какъ истинное откровеніе требуетъ яснаго проявленія Бога въ сознаніи. Но самый догматъ состоитъ, по ихъ мнѣнію, во вторичныхъ формулахъ. Но чтобы лучше понять его природу, нужно изслѣдовать, въ какомъ отношеніи стоятъ къ религіозному чувству религіозныя формулы. Это легко понять, если принять во вниманіе, что цѣль этихъ формулъ не иная, какъ удовлетворить стремленію вѣрующаго дать отчетъ въ своей вѣрѣ. Поэтому онѣ являются посредницами между вѣрующимъ и его вѣрой; что касается вѣры, то онѣ суть неадекватные своему объекту знаки, называемые обычно символами; въ отношеніи же къ человѣку онѣ только простые инструменты. Отсюда никакимъ соображеніемъ нельзя доказать, что онѣ содержатъ полную истину; ибо онѣ суть символы, образы истины, въ своихъ отношеніяхъ къ человѣку долженствующіе приспособляться къ его религіозному чувству. Какъ орудія онѣ должны приспособляться къ человѣку, въ отношеніи его къ религіозному чувству. А такъ какъ абсолютное, являющееся объектомъ религіознаго чувства, имѣетъ безконечное количество сторонъ, съ которыми оно можетъ являться и такъ какъ вѣрующій находится постоянно подъ измѣняющимися условіями, то отсюда слѣдуетъ, что и догматическія формулы подчинены той же измѣняемости и являются разнообразными. Этимъ подготовленъ путь къ внутренней эволюціи догматовъ.—Конечно это есть безконечное собраніе софизмовъ, подрывающее и разрушающее всякую религію!

Догматъ не только можетъ, но и долженъ развиваться и измѣняться. Это модернисты и сами дерзко утверждаютъ и это же ясно слѣдуетъ изъ ихъ мнѣній. Дѣйствительно, религіозныя формулы, чтобы быть дѣйствительно религіозными, а не простыми богословскими спекуляціями, должны быть живыми, оживленными жизнью религіознаго чувства: это основное положеніе ихъ системы, вытекающее изъ принципа жизненной имманентности. Это нужно понимать не такъ, что какъ будто эти формулы, особенно чисто отвлеченныя, должно составлять сообразно самому религіозному чувству: ибо какъ ихъ происхожденіе, такъ и ихъ количе-

ство и качество не важны; но такъ, чтобы религіозное чувство при всякой нужной ихъ перемѣнѣ жизненно ассимилировалось съ ними. Или, говоря другими словами, необходимо, чтобы первичная формула воспринималась и усваилась сердцемъ и чтобы дальнѣйшая работа, изъ которой возникаютъ вторичныя формулы, происходила подъ вліяніемъ сердца. Такимъ образомъ эти формулы, чтобы быть жизненными, должны оставаться приспособленными и къ вѣрѣ и къ вѣрующему. Поэтому, если это приспособленіе по какой-либо причинѣ исчезнетъ, то онѣ теряютъ свои первичные признаки и нуждаются въ измѣненіи. Такъ какъ значеніе и судьба догматическихъ формулъ неустойчивы, то онѣ находятся въ такомъ униженіи и презрѣніи у модернистовъ; они превозносятъ только религіозное чувство и религіозную жизнь. Поэтому же они смѣло нападаютъ на Церковь, какъ пошедшую по ложному пути, не дѣлая никакихъ различій между внѣшнимъ значеніемъ формулъ и религіозно-нравственной жизнью, тѣсно и безплодно привязываясь къ пустымъ формуламъ и предоставляя разрушаться самой религіи.

Поистиннѣ это *слѣпые и вожди слѣпыхъ*, которые, превозносясь гордымъ именемъ науки, безумствуютъ до того, что извращаютъ, какъ вѣчное понятіе объ истинѣ, такъ и здоровое религіозное чувство; изобрѣвши новую систему, въ которой, по слѣпой и безудержной страсти къ новому, не ищутъ истины тамъ, гдѣ она находится, а, презрѣвъ святыя и апостольскія преданія, выдумываютъ другія пустыя, слабыя, ненадежныя и неодобренныя Церковью доктрины, которыми, какъ ничтожнѣйшіе люди, думаютъ обосновать и укрѣпить самую истину [1]).

---

[1]) Энциклика Григорія XVI. Singulari nos, 25 іюня. 1834.

2. Модернистъ, какъ вѣрующій.

Индивидуальный опытъ, какъ источникъ религіозной увѣренности.

Таковъ, достопочтенные братья, модернистъ, какъ философъ. Если теперь кто пожелаетъ узнать, чѣмъ модернистъ, какъ вѣрующій, отличается отъ него, какъ философа, то необходимо замѣтить, что, хотя философъ и допускаетъ реальность божественнаго, какъ объекта вѣры, но не соглашается искать эту реальность гдѣ-либо внѣ вѣрующаго духа, какъ объектъ его чувства и утвержденій, внѣ міра феноменовъ. Существуетъ ли Богъ Самъ по Себѣ внѣ чувства и утвержденія—это для него неважно. Наоборотъ для модерниста, какъ вѣрующаго, Богъ существуетъ Самъ по Себѣ, независимо отъ него, вѣрующаго. Если же ты спрашиваешь, на чемъ же наконецъ покоится это утвержденіе вѣрующаго, то они отвѣчаютъ: на частномъ опытѣ каждаго человѣка.—Въ этомъ положеніи они, хотя и расходятся съ раціоналистами, однако впадаютъ въ мнѣніе протестантовъ и псевдо-мистиковъ. Вотъ какъ они объясняютъ дѣло: въ религіозномъ чувствѣ можно открыть нѣкоторое возрѣніе (intuitum) сердца, благодаря которому человѣкъ непосредственно касается самой реальности Бога и почерпаетъ такую увѣренность въ бытіи Божіемъ и внѣшнемъ и внутреннемъ Промыслѣ Божіемъ о человѣкѣ, которая далеко превосходитъ всякое научное убѣжденіе. Итакъ они указываютъ на истинный опытъ, превосходящій всякій опытъ разума. Если же кто, напримѣръ раціоналисты, отрицаютъ такой опытъ, то это потому, что у нихъ недостаетъ необходимыхъ для рожденія этого опыта нравственныхъ условій. Этотъ-то опытъ, когда кто его пріобрѣтетъ, и производитъ истинно и собственно вѣрующаго.

Какъ далеки мы здѣсь отъ католическихъ постановленій, мы уже видѣли при чтеніи рѣшеній Ватиканскаго собора.—О томъ, какимъ образомъ при допущеніи этихъ и уже упомянутыхъ заблужденій, открывается дорога къ атеизму, мы скажемъ ниже. А здѣсь мы хотимъ замѣтить только то, что изъ этой доктрины объ *опытѣ*, соединенной съ другой доктриной о символизмѣ, слѣдуетъ, что всякую религію,

не исключая и языческихъ, нужно считать истинной.

Развѣ не во всѣхъ религіяхъ встрѣчается такой опытъ? И многіе утверждаютъ это. По какому же праву модернисты отрицаютъ истинность религіознаго опыта, утверждаемаго магометаниномъ и присваиваютъ истинный религіозный опытъ однимъ католикамъ? И дѣйствительно, модернисты не отрицаютъ этого, тайно или явно признавая всѣ религіи истинными. Очевидно, что иначе они не могутъ и мыслить. Ибо, слѣдуя ихъ ученію, на основаніи чего можно считать какую-либо религію ложной? Конечно или на основаніи ложности религіознаго чувства, или на основаніи ложности формулы, созданной разумомъ. Но религіозное чувство, хотя иногда и болѣе несовершенное, по существу всегдо одно и то же, а для того, чтобы религіозная формула была истинной, нужно только, чтобы она соотвѣтствовала религіозному чувству и вѣрующему человѣку, каковы бы ни были его умственныя способности. При столкновеніи различныхъ религій модернисты въ лучшемъ случаѣ могутъ утверждать только одно, что католическая религія имѣетъ болѣе истины, какъ религія болѣе жизненная и что она достойнѣе всѣхъ названія христіанской, такъ какъ она болѣе всѣхъ другихъ религій отвѣчаетъ началамъ христіанства.—Нельзя удивляться такимъ выводамъ, такъ какъ они слѣдуютъ изъ посылокъ. Но весьма удивительно то, что находятся такіе католики, міряне и священники, которые, какъ намъ хочется думать, ужасаются такихъ чудовищныхъ выдумокъ, но ведутъ себя такъ, что какъ будто они вполнѣ ихъ одобряютъ. Ибо они воздаютъ такія похвалы учителямъ такихъ заблужденій и такъ публично чествуютъ ихъ, что каждый легко подумаетъ, что они чтутъ не людей, быть можетъ и не чуждыхъ нѣкоторыхъ заслугъ, а скорѣе тѣ заблужденія, которыя они открыто исповѣдуютъ и всѣми мѣрами стараются распространить въ народѣ.

Религіозный опытъ и преданіе. Есть и другой пунктъ въ этомъ отдѣлѣ ученія, совершенно враждебный католической истинѣ.—Ибо свой взглядъ на опытъ модернисты переносятъ и на преданіе, какъ его понимаетъ Церковь, и совершенно его уничтожаютъ. Ибо модернисты понимаютъ преданіе такимъ образомъ, что существуетъ какое-то общеніе въ первоначальномъ опытѣ съ другими людьми путемъ про-

повѣди, при помощи интеллектуальной формулы. Поэтому они приписываютъ этой формулѣ кромѣ представительнаго (repraesentativam) значенія еще какую-то силу внушенія (suggestivam), какъ пробуждающую случайно заснувшее религіозное чувство и возобновляющую прежде испытанный религіозный опытъ, въ томъ, кто вѣритъ и вмѣстѣ съ тѣмъ впервые порождающую религіозное чувство и производящую опытъ въ томъ, кто еще не вѣритъ. Такимъ путемъ религіозный опытъ скрыто распространяется среди народовъ и не только между современниками путемъ собственно проповѣди. но изъ поколѣнія въ поколѣніе путемъ книгъ и устной передачи.— Это сообщеніе опыта иногда пускаетъ корни и процвѣтаетъ, иногда же старѣетъ и умираетъ. Процвѣтаніе же модернисты считаютъ признакомъ истины, такъ какъ они отождествляютъ жизнь и истину. Отсюда можно сдѣлать такой выводъ: всѣ религіи, поскольку онѣ существуютъ, истинны, такъ какъ въ противномъ случаѣ онѣ не жили бы.

Вѣра, изгнанная знаніемъ. Теперь, достопочтенные братья, мы имѣемъ достаточно матеріала для установленія взгляда модернистовъ на отношеніе вѣры къ наукѣ, подъ которой они разумѣютъ и исторію.—Прежде всего нужно имѣть въ виду, что объекты знанія и вѣры совершенно различны. Ибо вѣра относится только къ тому, что знаніе считаетъ для себя непознаваемымъ. Отсюда сфера дѣятельности обоихъ различна: знаніе вращается среди феноменовъ, гдѣ нѣтъ мѣста для вѣры; наоборотъ, вѣра вращается среди божественнаго, что находится выше знанія. Отсюда дѣлается выводъ, что они никогда не могутъ встрѣтиться на одной и той же почвѣ и стать въ противорѣчіе другъ съ другомъ. Если имъ возразить, что въ природѣ бываютъ такія явленія, которыя имѣютъ отношеніе и къ вѣрѣ, какъ напримѣръ человѣческая жизнь Христа, то они съ этимъ не согласятся. Ибо, хотя эти явленія и принадлежатъ къ феноменамъ, но, поскольку они пропитаны вѣрой и вышеуказаннымъ способомъ преображены и извращены вѣрой, они должны быть выключены изъ чувственнаго міра и отнесены міру къ божественнаго. Поэтому на вопросъ, дѣйствительно ли Христосъ совершалъ чудеса, пророчествовалъ, воскресъ и вознесся на небо, агностическое знаніе отвѣчаетъ отрицательно, а вѣра утвердительно.. Первое отри-

цаетъ, какъ философъ, обращающійся къ философамъ и разсматривающій Христа только съ точки зрѣнія исторической реальности, второе утверждаетъ, какъ вѣрующій, говорящій съ вѣрующимъ и разсматривающій жизнь Христа какъ она сно́ва переживается вѣрою и въ вѣрѣ.

Вѣра подчиняется знанію. Однако если бы кто заключилъ отсюда, что знаніе и вѣра нисколько не зависятъ другъ отъ друга, онъ сдѣлалъ бы большую ошибку. Дѣйствительно знаніе не подчинено вѣрѣ, но вѣра подчинена знанію и при томъ не въ одномъ, а въ трехъ отношеніяхъ. Во первыхъ нужно обратить вниманіе на то, что во всякомъ религіозномъ фактѣ, если у него отнять божественную реальность, полученную отъ опыта вѣрующаго, все остальное, въ особенности религіозныя формулы, относится къ области феноменовъ и поэтому подлежитъ знанію. Вѣрующій можетъ, если хочетъ, выходить за предѣлы міра, но поскольку онъ все же пребываетъ въ мірѣ, онъ не можетъ избѣжать законовъ, контроля и сужденія науки и исторіи. Затѣмъ, хотя и сказано, что Богъ является объектомъ одной вѣры, но здѣсь имѣется въ виду только реальность Бога, но не идея Бога. Послѣдняя подлежитъ знанію, которое, философствуя въ такъ называемой логической области, возвышается до идеи абсолюта и идеала. Поэтому философія, знаніе имѣетъ право изучать идею Бога, управлять ея развитіемъ и очищать ее отъ постороннихъ примѣсей. Отсюда правило модернистовъ: религіозная эволюція должна сообразоваться съ эволюціей нравственной и интеллектуальной или, по выраженію одного ихъ учителя, подчиняться ей. Наконецъ, такъ какъ человѣкъ не терпитъ въ себѣ раздвоенія, то для вѣрующаго возникаетъ нѣкоторая внутренняя необходимость такъ соединить вѣру съ знаніемъ, чтобы она не расходилась съ общимъ представленіемъ о вселенной, доставленнымъ наукой. Такимъ образомъ происходитъ, что знаніе является совершенно независимымъ отъ вѣры, а вѣра, не смотря на всю вышеразъясненную ея потусторонность (extranea), подчиняется ему.—Все это, достопочтенные братья, прямо противорѣчитъ тому, чему училъ нашъ предшественникъ Пій IX: „Философіи свойственно въ томъ, что относится къ религіи, не господствовать, а служить, не предписывать, чему должно вѣрить, а

усваивать подчиненіемъ разума, не изслѣдовать глубины тайнъ Божіихъ, а благочестиво и смиренно чтить ихъ [1]). Модернисты совершенно извращаютъ дѣло, почему къ нимъ можно приложить то, что другой нашъ предшественникъ Григорій IX писалъ о богословахъ своего времени: Есть у васъ нѣкоторые, которые, надутые тщеславіемъ, какъ чрево больного водянкою, пытаются мірскими новшествами нарушить предѣлы, положенные Отцами, приспособляя смыслъ небесныхъ книгъ къ философскому ученію раціоналистовъ, показывая свое знаніе безъ всякой пользы для слушателей. Сами они, соблазненные различными и чуждыми ученіями, помѣщаютъ голову въ хвостѣ и заставляютъ царицу подчиняться служанкѣ [2]).

Методы модернистовъ. Поведеніе модернистовъ, вообще сообразное съ ихъ ученіемъ, еще болѣе выясняетъ ихъ взгляды. Если ихъ послушать или почитать, то можно подумать, что они противорѣчатъ самимъ себѣ, что они непослѣдовательны. Однако все это у нихъ дѣлается сознательно и намѣренно, слѣдуя мнѣнію объ отдѣльности вѣры отъ знанія. Отсюда подъ одной страницей ихъ книгъ подписался бы и католикъ, а перевернувъ другую, подумаешь, что она написана подъ диктовку раціоналиста. Пишутъ они исторію: нигдѣ нѣтъ упоминанія о Божествѣ Іисуса Христа, но съ проповѣдническихъ каѳедръ они исповѣдуютъ эту вѣру весьма твердо. Разсказывая исторію, они пренебрегаютъ Отцами и соборами, а преподавая катехизисъ, съ уваженіемъ цитуютъ тѣхъ и другихъ. Они же проводятъ различіе между экзегезисомъ богословскимъ и пастырскимъ съ одной стороны и научнымъ и историческимъ съ другой. Подобнымъ же образомъ, исходя изъ того положенія, что знаніе не зависитъ отъ вѣры, разсуждая объ философіи,

---

[1]) Brev. ad. Ep. Wratislav., 15 іюня. 1857.

[2]) Ep. ad Magistras theol. Paris, 7 іюля., 1223. Интересно, что Григорій IX осудилъ въ такихъ выраженіяхъ профессоровъ Парижскаго университета именно за увлеченіе той аристотельевской схоластикой, которую такъ усиленно рекомендуетъ далѣе Пій X. Въ сущности эти слова Григорія IX осуждаютъ и Пія X, и модернисты могли бы опираться на нихъ съ гораздо большимъ правомъ. 1223 годъ въ энцикликѣ указанъ невѣрно. Нужно 1228. *Примѣч. перев.*

исторіи и критикѣ, не боясь слѣдовать по стопамъ Лютера, [1]) всячески выказываютъ свое презрѣніе къ католическимъ наставникамъ, къ св. Отцамъ, вселенскимъ соборамъ, къ учительству Церкви. Если ихъ порицаютъ за это, то они начинаютъ жаловаться, что ихъ лишаютъ свободы. Исповѣдуя, наконецъ, что вѣра должна подчиняться знанію, они явно и тайно упрекаютъ Церковь за то, что она упорно отказывается подчинять и приспособлять свои догматы къ философскимъ мнѣніямъ, сами же отказавшись для этого отъ древняго богословія, пытаются ввести новое, слѣдующее заблужденіямъ философовъ.

3. Модернистъ, какъ богословъ.

Два основныхъ принципа: имманентность и символизмъ.

Здѣсь, достопочтенные братья, модернистъ является намъ какъ богословъ. Вопросъ этотъ обширенъ, но мы будемъ кратки. Дѣло идетъ о примиреніи вѣры со знаніемъ и неиначе, какъ черезъ подчиненіе первой второму. Модернистъ богословъ заимствуетъ принципы имманентности и символизма у модерниста философа и примѣняетъ ихъ вѣрующему. Дѣло происходитъ весьма просто. Философъ утверждаетъ, что принципъ вѣры имманентенъ; вѣрующій добавляетъ, что этотъ принципъ есть Богъ; богословъ дѣлаетъ выводъ: слѣдовательно Богъ имманентенъ человѣку. Отсюда— богословская имманентность. Далѣе. Философу, извѣстно, что представленія (repraesentationes) объекта вѣры бываютъ только символическія; вѣрующему извѣстно также, что объектъ вѣры есть Богъ въ Себѣ: отсюда богословъ заключаетъ: представленія божественной реальности суть символичны. Это — богословскій символизмъ. Насколько эти заблужденія одно гибельнѣе другого, можно ясно видѣть изъ ихъ слѣдствій.

Скажемъ сначала о символизмѣ. Такъ какъ символы суть символы по отношенію къ объекту и вмѣстѣ съ тѣмъ орудія по отношенію къ субъекту, то вѣрующему, по ихъ словамъ, прежде всего нужно остерегаться слишкомъ привязываться къ формулѣ, но пользоваться ею только для достиженія абсолютной истины, которую формула въ одно

[1]) Булла Льва X Exsurge Domine 16 мая 1520 г.

и то же время и открываетъ и прикрываетъ и которую она безуспѣшно старается выразить. Во вторыхъ, прибавляютъ они, вѣрующій долженъ употреблять эти формулы до тѣхъ поръ, пока онѣ для него полезны; онѣ даны для того, чтобы помогать его вѣрѣ, а не для того, чтобы мѣшать ей; изъ соціальныхъ соображеній формулы, признанныя публичнымъ учительствомъ годными для общаго сознанія, должны пользоваться безвреднымъ почетомъ, пока онѣ не будутъ измѣнены этимъ учительствомъ. Что же касается имманентности, то трудно установить, что на самомъ дѣлѣ думаютъ о ней модернисты, такъ какъ ихъ мнѣнія здѣсь расходятся. Одни понимаютъ эту имманентность въ томъ смыслѣ что Богъ, дѣйствуя внутренно, присутствуетъ въ человѣкѣ болѣе, чѣмъ самъ человѣкъ въ себѣ самомъ. Если это понимать правильно, то, конечно, здѣсь нѣтъ ничего достойнаго порицанія.

Другіе понимаютъ ее такъ, что дѣйствіе Бога есть то же самое, что и дѣйствіе природы, какъ первой причины и второй, чѣмъ на самомъ дѣлѣ уничтожается сверхъестественный порядокъ. Наконецъ, третьи объясняютъ дѣло такъ, что вызываютъ подозрѣнія въ пантеистическомъ истолкованіи, что конечно болѣе гармонируетъ съ остальнымъ ихъ ученіемъ.

Къ этому принципу имманентности они прибавляютъ и другой принципъ, который можно назвать божественною продолжаемостью, перманентностью (permanentia divina). Они отличаются другъ отъ друга также, какъ отличается опытъ, полученный путемъ преданія, отъ частнаго опыта. Пояснимъ дѣло примѣромъ, касающимся церкви и таинствъ. Нельзя вѣрить, говорятъ они, что церковь и таинства установлены самимъ Христомъ. Отъ этого предостерегаетъ агностицизмъ, который въ Христѣ не признаетъ ничего кромѣ человѣка, религіозное сознаніе котораго, какъ и сознаніе остальныхъ людей, развивалось постепенно, этому препятствуетъ законъ имманентности, отвергающій, какъ говорятъ они, такія внѣшнія приложенія (applicationes), препятствуетъ тотъ же законъ развитія, который требуетъ времени для произростанія сѣмени и также ряда слѣдующихъ другъ за другомъ благопріятныхъ обстоятельствъ, препятствуетъ, наконецъ, исторія, показывающая, что таково

дѣйствительно было теченіе дѣла. Но все же нужно утверждать, что церковь и таинства установлены Христомъ посредственно (mediate). Какимъ же образомъ? Они утверждаютъ, что всѣ христіанскія сознанія какимъ-то образомъ включены въ сознаніе Христа, также какъ растеніе въ сѣмени. А такъ какъ растенія живутъ жизнью сѣмени, то и христіане должны быть названы живущими жизнью Христа. Но жизнь Христа, по вѣрѣ, божественна, слѣдовательно и жизнь христіанъ. Если же эта жизнь въ теченіи вѣковъ дала начало церкви и Таинствамъ, то это начало по справедливости называется началомъ отъ Христа и божественнымъ. Такимъ же образомъ они доказываютъ божественность и св. писанія и догматовъ.—Здѣсь и оканчивается богословіе модернистовъ. Запасъ конечно не большой, но слишкомъ достаточный для тѣхъ, кто утверждаетъ, что вѣра всегда должна повиноваться тому, что прикажетъ знаніе.—Всякій легко можетъ приложить это и ко всему тому, что мы сейчасъ добавимъ.

Догматъ и таинства. Выше мы коснулись происхожденія вѣры и ея природы. Но такъ какъ вѣра имѣетъ многія отрасли, то мы назовемъ главныя: Церковь, догматы, культъ и св. книги. Нужно разсмотрѣть, что учатъ о каждомъ изъ нихъ модернистоы. — Начнемъ съ догмата, происхожденіе и природу котораго мы уже указали. Онъ происходитъ изъ какого-то импульса или необходимости, въ силу которой вѣрующій стремится, чтобы сознаніе какъ его, такъ и другихъ, просвѣтлялось болѣе и болѣе. Этотъ трудъ состоитъ въ углубленіи и разработкѣ первичной формулы мысли, и не въ строго логическомъ разъясненіи, а сообразномъ съ обстоятельствами или, какъ не совсѣмъ понятно говорятъ они, жизненномъ (vitaliter). Такимъ образомъ происходитъ, что постепенно вокругъ нея выростаютъ, какъ мы уже сказали, нѣкоторыя вторичныя формулы, которыя потомъ, объединенныя въ одну систему, въ одно доктринальное построеніе, получивъ санкцію отъ оффиціальнаго учительства, какъ соотвѣтствующія общему сознанію, получаютъ названіе догматовъ.

Отъ нихъ слѣдуетъ тщательно отличать богословскіе комментаріи: послѣдніе, хотя и не живутъ жизнью догматовъ, но не безполезны, какъ для примиренія религіи со знаніемъ

и предотвращенія столкновеній между ними, такъ и для внѣшняго проясненія и защиты религіи, а иногда и для подготовки матеріала для какого-либо новаго догмата.

О культѣ не нужно бы много говорить, если бы подъ этимъ словомъ они не разумѣли также и таинствъ, къ которымъ относятся величайшія заблужденія модернистовъ. Они считаютъ, что культъ возникаетъ изъ двоякаго импульса или потребности: ибо въ ихъ системѣ все, по ихъ утвержденію, происходитъ изъ внутреннихъ импульсовъ или потребностей. Одна стремится дать видимое обнаруженіе религіи, другая—распространить ее, о чемъ нельзя думать безъ доступной чувствамъ формы и освятительныхъ актовъ, которые мы называемъ таинствами. Для модернистовъ таинства суть только голые символы, знаки, хотя и не лишенные силы. Объясняя эту силу, они пользуются примѣромъ нѣкоторыхъ словъ, которые, по обычному мнѣнію, приносятъ счастіе, поскольку они способствуютъ распространенію выражаемыхъ ими глубокихъ и великихъ идей. Таинства находятся въ такомъ же отношеніи къ религіозному чувству, какъ слова къ идеямъ, и ничего болѣе. Говоря яснѣе, таинства установлены для того, чтобы питать вѣру, что осуждено уже Тридентскимъ соборомъ: Если кто скажетъ, что эти таинства установлены только для того, что бы питать вѣру, да будетъ анаѳема [1]).

Священныя книги. Мы уже нѣсколько коснулись природы и происхожденія священныхъ книгъ. По мнѣнію модернистовъ, ихъ можно опредѣлить какъ сборники опыта, произведеннаго въ извѣстной религіи, но опыта не обыденнаго, а чрезвычайнаго, замѣчательнаго.– Такъ говорятъ модернисты и о нашихъ книгахъ ветхаго и новаго завѣтовъ. Однако они предусмотрительно прибавляютъ къ своимъ мнѣніямъ: хотя опытъ относится и къ настоящему времени, однако онъ можетъ брать матеріалъ для себя и изъ происшедшаго и изъ будущаго, такъ какъ для вѣрующаго прошлое становится настоящимъ, благодаря воспоминанію, а будущее, благодаря предвосхищенію (praeoccupationem). Такимъ способомъ объясняютъ они происхожденіе историческихъ и апокалипсическихъ книгъ.—Итакъ, хотя въ этихъ

---

[1]) Sess. VII, de Sacramentis in genere, can. V.

книгахъ черезъ вѣрующаго говоритъ Богъ, но только въ силу имманентности и жизненной перманентности. Спросимъ что-либо относительно вдохновенности? Оно отличается, отвѣчаютъ они, только своею интенсивностью отъ той потребности, которою вѣрующій вынуждается къ сообщенію своей вѣры словомъ и писаніемъ. Нѣчто подобное мы имѣемъ въ поэтическомъ вдохновеніи, почему кто-то сказалъ: „Богъ присутствуетъ въ насъ. Онъ производитъ въ насъ это пламя". Такимъ образомъ Бога можно назвать причиной вдохновенности св. книгъ.—Нѣтъ ничего, прибавляютъ модернисты, въ св. книгахъ такого, что бы не было вдохновеннымъ. Когда они утверждаютъ это, ихъ можно счесть болѣе правовѣрными, чѣмъ другіе ихъ современники, которые сокращаютъ область вдохновенія, напримѣръ путемъ исключенія изъ него такъ называемыхъ нѣмыхъ цитатъ (tacitas citationes). Но это только на словахъ и повидимому. Ибо если станемъ судить о библіи по предписаніямъ агностицизма, то есть какъ о произведеніи человѣческомъ, составленномъ людьми и для людей, то, хотя бы богослову и дано было право въ виду имманентности говорить о божественности, къ чему сведется вдохновенность? Хотя модернисты и усвояютъ универсальное вдохновеніе священнымъ книгамъ, но, въ католическомъ смыслѣ, они не допускаютъ никакого вдохновенія.

Церковь. Фантазіи модернистовъ о церкви даютъ намъ еще болѣе матеріала.—Церковь порождена двоякою потребностью: съ одной стороны свойственною всякому вѣрующему, особенно обладающему нѣкоторымъ особеннымъ опытомъ, потребностью сообщать свою вѣру другимъ, съ другой—потребностью, послѣ того какъ вѣра дѣлается общей или, какъ говорятъ, коллективной, организовать ее въ общество для сохраненія, расширенія, распространенія общаго сокровища. Итакъ, что такое церковь? Порожденіе коллективнаго сознанія или соединенія индивидуальныхъ сознаній, которое, въ силу жизненной перманентности, зависитъ отъ какого-нибудь перваго вѣрующаго,—т. е., для католиковъ, отъ Христа. Далѣе, всякое общество нуждается въ управляющей власти, которая обязана направлять его членовъ къ общей цѣли и въ тоже время благоразумно охранять элементы его состава. заключающіеся въ религіоз-

номъ обществѣ, культѣ и дисциплинѣ. Отсюда троякая власть въ католической церкви: дисциплинарная, догматическая, богослужебная. О природѣ этой власти должно дѣлать заключеніе изъ ея происхожденія, а изъ ея природы— о ея правахъ и обязанностяхъ. Въ прежнее время существовало общее заблужденіе, что власть возникла въ церкви совнѣ, и именно непосредственно отъ Бога, почему она несправедливо считалась самодержавной (autocratica). Но отъ этого пора отказаться. Ибо какимъ путемъ изъ коллективности сознаній возникаетъ церковь. такимъ же путемъ жизненно возникаетъ изъ самой церкви власть. Итакъ власть, какъ и церковь, происходитъ изъ религіознаго сознанія и потому подчинена ему и если она отвергаетъ эту зависимость, то становится тираніей. Мы живемъ въ такую эпоху, когда чувство свободы достигло своего апогея. Въ государственномъ строѣ общественное сознаніе создало демократическій режимъ. Но сознаніе, какъ и жизнь, едино въ человѣкѣ. Итакъ, если церковная власть не желаетъ возбуждать и поддерживать войну въ глубочайшей области сознанія, она должна пользоваться демократическими формами, тѣмъ болѣе, что, если она не сдѣлаетъ этого, подвергнется гибели. Конечно тотъ былъ бы безумцемъ, кто сталъ бы утверждать, что въ обнаруживающемся теперь чувствѣ свободы можетъ когда-либо наступить упадокъ. Если его заковать и придавить насильно, то съ тѣмъ большею силою вырвется оно потомъ и разрушитъ и церковь и религію.—Соображаясь со всѣмъ этимъ модернисты съ величайшимъ стараніемъ разыскиваютъ способы примирить власть церкви со свободою вѣрующихъ.

Отношенія между церковью и государствомъ. Но церковь должна сохранять дружественныя отношенія не только внутри себя, а и внѣ. Ибо не одна она владѣетъ міромъ, а и другія общества, съ которыми она необходимо должна вступить во взаимообщеніе. Права и обязанности церкви по отношенію къ гражданскимъ обществамъ нужно опредѣлить на основаніи не другого какого принципа, какъ выясненной модернистами природы самой церкви. Здѣсь они примѣняютъ тѣ же самыя начала, что и при выясненіи отношеній между вѣрою и знаніемъ, съ тѣмъ различіемъ, что тамъ шла рѣчь объ объектахъ, а здѣсь о цѣляхъ (finibus).

Такимъ образомъ, какъ вѣра и знаніе чужды другъ другу въ силу различія ихъ объектовъ, такъ чужды другъ другу церковь и государство въ силу различія ихъ цѣлей, — духовной для первой, свѣтской (temporalem) для второй. Конечно, нѣкогда было можно подчинять свѣтское духовному, разсуждать о смѣшанныхъ (mixtis) вопросахъ, въ коихъ церковь являлась госпожей и царицей, какъ учрежденная непосредственно Богомъ, поскольку Онъ есть виновникъ сверхъестественнаго порядка. Но нынѣ это ученіе согласно отвергнуто и философіей, и исторіей. Отсюда государство должно быть отдѣлено отъ церкви и католикъ отъ гражданина. Поэтому всякій католикъ, какъ гражданинъ, имѣетъ право и обязанность, пренебрегая властью церкви, не обращая вниманія на ея пожеланія, совѣты и приказанія, и презирая даже ея порицанія, дѣлать то, что кажется соотвѣтствующимъ государственной пользѣ. Предписываніе подъ какимъ-либо предлогомъ образа дѣйствій гражданину есть злоупотребленіе церковной власти, съ которымъ нужно бороться всѣми силами.

Принципы, изъ которыхъ слѣдуютъ всѣ эти взгляды, торжественно осуждены нашимъ предшественникомъ Піемъ VI въ апостольской конституціи Auctorem Fidei [1]).

Но для модернистской школы недостаточно раздѣлить церковь и государство. Какъ вѣра въ феноменальныхъ, по ихъ выраженію, элементахъ должна подчиняться знанію, такъ и церковь въ свѣтскихъ дѣлахъ должна подчиняться государству. Открыто они этого еще не утверждаютъ, но допустить это они должны въ силу логики. Если предположить, что въ мірскихъ вещахъ хозяиномъ является государство, то въ тѣхъ случаяхъ, когда вѣрующій, не довольствуясь внутренними религіозными актами, пожелаетъ при-

---

[1]) Prop. 2. „Утвержденіе, что власть дана Богомъ церкви для сообщенія пастырямъ, которые суть служители спасенія душъ, и что власть служенія и управленія переходитъ отъ общины вѣрующихъ къ пастырямъ, есть еретическое“.—Prop. 3. „Тѣмъ болѣе то утвержденіе, которое устанавливаетъ, что римскій первосвященникъ есть глава служебная, объясняя, что римскій первосвященникъ получаетъ власть служенія, которою онъ облеченъ во всей церкви, не отъ Христа въ лицѣ блаженнаго Петра, а отъ церкви, есть еретическое“.

соединить къ нимъ внѣшніе, напр., совершеніе и принятіе таинствъ, онъ подпадаетъ подъ владычество государства. Что же сказать тогда о церковной власти? Такъ какъ она выражается только во внѣшнихъ актахъ, то она должна совершенно подчиниться государству. Вынужденные этою логическою необходимостью, многіе либеральные протестанты уничтожаютъ всякій внѣшній культъ и даже всякое внѣшнее религіозное общеніе и пытаются создать только индивидуальную, какъ говорятъ они, религію.

Хотя модернисты и не доходятъ до этого открыто, однако они стремятся, чтобы церковь добровольно склонилась туда, куда они ее толкаютъ, и приспособилась къ гражданскимъ формамъ. Такъ учатъ модернисты о власти дисциплинарной. Ученіе ихъ о власти учительной и догматической еще хуже и гибельнѣе. О церковномъ учительствѣ они думаютъ такъ. Ни одно религіозное общество не имѣетъ истиннаго единства, если въ немъ нѣтъ единства религіознаго сознанія его членовъ съ одной стороны и единства принятой ими формулы съ другой. А это двоякое единство требуетъ какой-то универсальной мысли, которая бы могла отыскивать и создавать формулы, наиболѣе соотвѣтствующія общему сознанію; эта мысль должна имѣть достаточно авторитета для того, чтобы созданныя ею формулы предписать всему обществу. Въ этомъ соединеніи и какъ бы взаимопроникновеніи съ одной стороны избирающей формулу мысли и съ другой предписывающей ее власти, и состоитъ, по мнѣнію модернистовъ, понятіе церковнаго учительства. И такъ какъ учительство въ концѣ концовъ происходитъ изъ индивидуальныхъ сознаній и имѣетъ своимъ общественнымъ долгомъ пользу тѣхъ же самыхъ сознаній, то необходимо слѣдуетъ, что оно зависитъ отъ этихъ сознаній и потому должно принимать наиболѣе популярныя формы. Поэтому запрещать индивидуальнымъ сознаніямъ людей явно и открыто выражать свои потребности, преграждать дорогу критикѣ, толкающей догматы къ необходимому развитію — это есть не употребленіе, а злоупотребленіе властью, предназначенной для пользы. Подобнымъ образомъ и пользоваться этою властью нужно умѣренно. Только тираннія можетъ осуждать и запрещать сочиненія безъ вѣдома автора, безъ всякихъ объясненій, безъ всякаго разбирательства. Поэтому

здѣсь должно найти средній путь, чтобы не пострадали ни права власти, ни права свободы.

А до тѣхъ поръ католикъ долженъ выказывать чрезвычайную почтительность къ церковной власти, не отказываясь въ то же время отъ своего образа мыслей. Вообще они предписываютъ такія отношенія къ церкви: такъ какъ цѣль церковной власти есть чисто духовная, то нужно отмѣнить весь внѣшній аппаратъ, которымъ она украшаетъ себя, для большаго видимаго великолѣпія. Здѣсь они забываютъ, что, хотя религія и относится къ душѣ, но не ограничивается ею и что воздаваемая церковной власти честь относится къ установившему ее Христу.

Главное положеніе системы: эволюція. Теперь, чтобы исчерпать весь матеріалъ о вѣрѣ и ея отрасляхъ, остается, достопочтенные братья, послушать, какъ учатъ модернисты о развитіи того и другого. Общій принципъ тотъ, что въ живой религіи нѣтъ ничего такого, что бы не было способно къ измѣненію и что бы поэтому не должно было измѣняться. Отсюда они переходятъ къ тому, что является почти главнымъ въ ихъ системѣ, т. е. къ эволюціи.

Итакъ, догматъ, церковь, священный культъ, книги, почитаемыя нами священными, даже сама вѣра, если мы только не хотимъ, чтобы они сдѣлались мертвыми, должны подчиняться законамъ эволюціи. Это не будетъ удивительнымъ, если имѣть въ виду то, что учатъ модернисты о каждомъ изъ этихъ предметовъ въ отдѣльности. Сущность эволюціи, по описанію модернистовъ, такова. Прежде всего о вѣрѣ. Первичная форма вѣры, говорятъ они, смутна и обща всѣмъ людямъ, такъ какъ она происходитъ изъ самой природы и жизни человѣка. Она прогрессируетъ путемъ жизненной эволюціи, то-есть, не путемъ прибавленія новыхъ внѣшнихъ и случайныхъ формъ, а путемъ возрастающаго превращенія религіознаго чувства въ сознаніе. Прогрессъ этотъ двоякій: во-первыхъ, отрицательный, путемъ исключенія всякаго внѣшняго элемента, каково, напр., родовое или національное чувство; во-вторыхъ, положительный, путемъ умственной и нравственной разработки, благодаря которой и понятіе о божественномъ становится полнѣе и свѣтлѣе, и религіозное чувство—утонченнѣе.

Для объясненія развитія религіи нѣтъ нужды прибѣгать

къ другимъ причинамъ, кромѣ тѣхъ, которыя объясняютъ и ея возникновеніе. Однако сюда нужно присоединить еще нѣкоторыхъ необыкновенныхъ людей (которыхъ мы называемъ пророками, самый славный изъ которыхъ есть Христосъ). Они способствуютъ прогрессу вѣры и потому, что проявляютъ въ жизни и рѣчахъ нѣчто таинственное, что вѣра приписываетъ Божеству, и потому, что обладаютъ особымъ опытомъ, соотвѣтствующимъ потребностямъ того времени, въ которое они живутъ.

Прогрессъ же догматовъ происходитъ изъ потребности устранять препятствія для вѣры, побѣждать враговъ, опровергать возраженія. Сюда нужно присоединить постоянное стремленіе къ болѣе глубокому проникновенію въ тайны вѣры. Такъ, будемъ пользоваться прежнимъ примѣромъ, обстояло дѣло и со Христомъ: нѣчто божественное, что допускалось въ Немъ вѣрою, понемногу и постепенно расширилось до такой степени, что Онъ былъ сочтенъ Богомъ.

Главнымъ факторомъ развитія культа является потребность приспособленія его къ нравамъ и традиціямъ народа, а также потребность пользоваться тѣмъ значеніемъ извѣстныхъ актовъ, которое они пріобрѣтаютъ благодаря привычкѣ. Наконецъ, развитіе церкви возникаетъ изъ ея потребности приспособляться къ историческимъ обстоятельствамъ и къ существующимъ формамъ гражданскихъ обществъ. Таковы отдѣльныя стороны развитія. Прежде чѣмъ идти далѣе, замѣтимъ, что это ученіе есть ученіе о необходимостяхъ и потребностяхъ (выразительнѣе называемыхъ ими dei bisogni), которыя являются какъ бы основой и фундаментомъ того знаменитаго метода, который они называютъ историческимъ.

Въ ученіи объ эволюціи нужно обратить вниманіе еще на то, что, хотя потребности и вызываютъ эволюцію, однако, если она управляется ими одними, то легко преступаетъ предѣлы преданія и отрывается отъ первичнаго жизненнаго начала и влечетъ скорѣе къ гибели, чѣмъ прогрессу.

Полнѣе выясняя мысль модернистовъ, нужно сказать, что эволюція является равнодѣйствующей двухъ силъ, изъ коихъ одна стремится къ движенію впередъ, другая — къ сохраненію стараго. Консервативная сила дѣйствуетъ въ церкви и заключается въ преданіи. Представительницей ея является религіозная власть и юридически, такъ какъ власти по при-

родѣ свойственно охранять преданіе и фактически, такъ какъ власть, не соприкасаясь съ жизнью, совершенно или почти не ощущаетъ побуждающихъ къ прогрессу стимуловъ. Наоборотъ, способствующая прогрессу и отвѣчающая внутреннимъ потребностямъ сила скрывается и дѣйствуетъ въ сознаніяхъ частныхъ лицъ, особенно тѣхъ. кои, какъ говорятъ они, ближе и тѣснѣе соприкасаются съ жизнью. Въ этомъ-то и заключается, какъ мы уже опредѣлили, достопочтенные братья, самый гибельный пунктъ въ ученіи модернистовъ, что они выдаютъ мірянъ за прогрессивный элементъ въ церкви.

Изъ взаимодѣйствія двухъ этихъ силъ, консервативной и прогрессивной, т. е. власти и сознанія частныхъ лицъ. и возникаютъ и прогрессъ, и измѣненія. Ибо сознанія частныхъ лицъ, или нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣйствуютъ на сознаніе коллективное, а это сознаніе дѣйствуетъ на носителей власти и вынуждаетъ ихъ договариваться и исполнять договоръ.

Легко понять отсюда, какъ удивляются модернисты, когда ихъ порицаютъ и наказываютъ. То, что ставится имъ въ вину, они считаютъ выполненіемъ религіознаго долга. Никто лучше ихъ не знаетъ потребностей сознаній, тѣмъ болѣе, что они ближе соприкасаются съ ними, чѣмъ церковная власть. Они какъ бы совмѣщаютъ въ себѣ всѣ эти потребности, почему они и выполняютъ свою обязанность въ словѣ и письмѣ. Пусть власть, если хочетъ упрекаетъ ихъ; они основываются на сознаніи долга и внутреннимъ опытомъ знаютъ, что они заслуживаютъ не порицаній, а похвалъ. Отъ нихъ не скрыто и то, что нѣтъ прогресса безъ борьбы, нѣтъ сраженій безъ жертвъ; итакъ пусть они будутъ этими жертвами, какъ были пророки и Христосъ. Они не чувствуютъ ненависти къ власти за плохое обхожденіе съ ними: они даже допускаютъ, что власть выполняетъ свою обязанность. Они жалуются только на то, что ихъ весьма мало слушаютъ, чѣмъ затрудняется совершенствованіе душъ; но несомнѣнно придетъ часъ, когда преграда будетъ сломана, ибо, хотя и можно противиться законамъ эволюціи, но отмѣнить ихъ нельзя. Итакъ они продолжаютъ идти избраннымъ путемъ, продолжаютъ, несмотря на увѣщанія и наказанія, прикрывая покровомъ притворной покорности невѣроятную дерзость. Сгибая для виду голову,

они тѣмъ смѣлѣе осуществляютъ и рукой и разумомъ свои намѣренія. Они дѣйствуютъ такъ намѣренно и сознательно, такъ какъ думаютъ, что власть нужно побуждать, а не уничтожать ее, и такъ какъ для нихъ важно остаться въ лонѣ церкви, чтобы постепенно измѣнить коллективное сознаніе. Говоря это, они не замѣчаютъ, что общее сознаніе отдѣлилось отъ нихъ и что поэтому они не имѣютъ права выдавать себя за его истолкователей.

Итакъ, достопочтимые братья, для писателей и дѣятелей модернистовъ въ церкви не должно быть ничего устойчиваго и неизмѣняемаго. Такъ учили и ихъ предтечи, о которыхъ нашъ предшественникъ Пій IX писалъ: Эти враги божественнаго откровенія, превознося человѣческій прогрессъ, съ безумною и святотатственною смѣлостью хотятъ ввести его въ католическую религію, такъ какъ, если и сама религія есть созданіе не Бога, а людей или какое-то философское открытіе, то она подлежитъ человѣческому совершенствованію [1]). Въ особенности, что касается откровенія и догматовъ, то въ ученіи модернистовъ нѣтъ ничего новаго, но только то, что осуждено въ силлабусѣ Пія IX въ слѣдующихъ выраженіяхъ. Божественное откровеніе несовершенно и потому подлежитъ постоянному и безконечному прогрессу, соотвѣтствующему прогрессу человѣческаго разума [2]), и еще торжественнѣе на Ватиканскомъ соборѣ въ такихъ словахъ: Ученіе вѣры, открытое Богомъ, не должно быть предоставлено человѣческому разуму, какъ философская система, для его усовершенствованія, но какъ божественный залогъ, врученный невѣстѣ Христовой, должно быть вѣрно охраняемо и безошибочно (infallibiter) возвѣщаемо. Отсюда и смыслъ священныхъ догматовъ долженъ быть всегда сохраняемъ такимъ, какимъ однажды объявила его мать церковь и не должно удаляться отъ этого смысла подъ предлогомъ и именемъ болѣе глубокаго понимания [3]). Конечно этимъ не только не запрещается, но на-

---

[1]) Encycl. Qui pluribus, 9 ноября. 1846.
[2]) Syll. Prop. 5.
[3]) Const. Dei Filius, can. IV.

оборотъ поощряется и побуждается развитіе нашихъ знаній и даже относительно вѣры. Поэтому Ватиканскій соборъ продолжаетъ: Итакъ пусть возрастаютъ и быстро совершенствуются вмѣстѣ съ вѣками и поколѣніями разумъ, знаніе, мудрость, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всѣхъ, какъ одного человѣка, такъ и цѣлой церкви, но только въ своемъ родѣ, то есть въ томъ же самомъ догматѣ, въ той же самой мысли [1]).

4. Модернистъ, какъ историкъ и критикъ.

Изучивъ взгляды модерниста какъ философа, вѣрующаго, богослова, намъ остается теперь разсмотрѣть его взгляды какъ историка, критика, апологета, реформатора.

Занимающіеся исторіей модернисты, повидимому, очень безпокоятся, чтобы ихъ не сочли философами и заявляютъ, что у нихъ совершенно нѣтъ философіи. Но это величайшая хитрость, чтобы не показалось, что они напитаны предвзятыми мнѣніями философіи и что они поэтому, какъ говорятъ, не объективны.

А на самомъ дѣлѣ ихъ исторія и критика является чистой философіей и ихъ историко-критическія заключенія прямо выведены изъ ихъ философскихъ принциповъ. Это легко доказать.—Первые три правила такихъ историковъ и критиковъ суть тѣ же самые принципы, о которыхъ мы говорили раньше въ философскомъ отдѣлѣ, а именно агностицизмъ, принципъ преображенія явленій вѣрою и наконецъ принципъ, названный нами принципомъ извращенія ихъ. Отмѣтимъ отдѣльные выводы. Въ силу агностицизма исторія, также какъ и наука, ограничена сферой феноменовъ. Насколько Богъ вмѣшивается въ человѣческія дѣла, Онъ долженъ быть отнесенъ къ вѣрѣ, какъ къ ея области. Поэтому, если встрѣтится какое явленіе, состоящее изъ двоякаго рода элементовъ, изъ божественнаго и человѣческаго, каковы Христосъ, церковь, таинства и многое другое въ этомъ родѣ, то нужно ихъ раздѣлить и освободить элементы такъ, чтобы человѣческое сдѣлалось достояніемъ исторіи, а божественное было отнесено къ вѣрѣ. Отсюда обычное у модернистовъ различеніе Христа историческаго и Христа

[1]) Loc. cit.

вѣры, церкви исторіи и церкви вѣры, таинствъ исторіи и таинствъ вѣры и т. п.

Затѣмъ тотъ самый человѣческій элементъ, подлежащій, какъ мы видѣли историку, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является въ памятникахъ, долженъ быть названъ возвышеннымъ надъ историческими условіями благодаря преображенію его вѣрою. Поэтому нужно отдѣлить отъ него сдѣланныя вѣрою прибавки и предоставить ихъ вѣрѣ и исторіи вѣры; такъ, когда дѣло идетъ о Христѣ, нужно отдѣлить все, что превышаетъ способности человѣка по ихъ природѣ, какъ она выясняется психологіей или по мѣсту и эпохѣ, въ которыхъ Онъ жилъ.

Кромѣ того, въ силу третьяго принципа философіи, даже то, что не выходитъ изъ области исторіи, нужно какъ бы просѣять и исключить все, предоставивъ это также вѣрѣ, что логически, какъ говорятъ они, несвойственно извѣстнымъ фактамъ или лицамъ. Такъ они утверждаютъ, что Христосъ никогда не говорилъ ничего такого, что превосходило бы пониманье слушающаго народа. Поэтому они выпускаютъ изъ реальной Его исторіи и предоставляютъ вѣрѣ всѣ аллегоріи, встрѣчающіяся въ Его рѣчахъ. Быть можетъ спросятъ, какимъ критеріемъ руководствуются они при этомъ выдѣленіи? На основаніи характера человѣка, занимаемаго имъ положенія въ обществѣ, его воспитанія и вообще обстоятельствъ, среди коихъ протекаетъ его дѣятельность, однимъ словомъ, если мы только поняли, на основаніи чисто субъективнаго критерія. Они стараются поставить себя на мѣсто самаго Христа: то, что они при подобныхъ обстоятельствахъ сдѣлали бы сами, все это они переносятъ на Христа.

Такимъ образомъ, скажемъ въ заключеніе, они a priori и на основаніи нѣкоторыхъ философскихъ принциповъ, коихъ они держатся, хотя и говорятъ, что игнорируютъ ихъ, утверждаютъ, что въ называемой ими реальной исторіи Христосъ не былъ Богомъ и не совершилъ ничего божественнаго, а какъ человѣкъ Онъ совершилъ и сказалъ только то, что они сами приписываютъ ему право сдѣлать или сказать, переносясь къ Его времени.

Критицизмъ и его принципы. Какъ исторія дѣлаетъ свои заключенія на основаніи философіи, такъ критика на осно-

ваніи исторіи. Ибо критикъ, слѣдуя доставленнымъ исторіей даннымъ, раздѣляетъ документы на двѣ части. То, что остается послѣ вышесказанной тройной очистки, онъ отдаетъ реальной исторіи, и остальное относитъ къ исторіи вѣры или къ исторіи внутренней. Онъ тщательно разграничиваетъ двѣ эти исторіи и, что нужно хорошо замѣтить, противопоставляетъ исторію вѣры исторіи реальной, откуда, какъ уже мы сказали, является двоякій Христосъ, одинъ реальный, другой никогда не существовавшій на самомъ дѣлѣ, но относящійся къ вѣрѣ; одинъ, жившій въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстную эпоху, другой живущій только въ благочестивыхъ размышленіяхъ вѣрующаго; таковъ, напримѣръ, Христосъ по евангелію Іоанна; это евангеліе, говорятъ они, есть все цѣликомъ благочестивое размышленіе.

Этимъ не ограничивается господство философіи въ исторіи. При изученіи памятниковъ, какъ сказано, раздѣленныхъ на два разряда, снова является философъ со своимъ догматомъ жизненной имманентности и поучаетъ, что все въ исторіи церкви должно быть излагаемо съ точки зрѣнія жизненной эманаціи (per vitalem emanationem). Причина или условіе всякой жизненной эманаціи лежитъ въ какой-либо необходимости или потребности. Отсюда всякій фактъ объясняется какою-либо потребностью и исторически слѣдуетъ за ней. Что же дѣлаетъ историкъ? Снова изслѣдовавъ памятники, находящіеся въ священныхъ книгахъ и привлеченные изъ другихъ мѣстъ, онъ составляетъ на основаніи ихъ списокъ отдѣльныхъ потребностей, вызвавшихъ появленіе догматовъ, священнаго культа и всего остального, существующаго въ церкви и вытекающаго одно изъ другого. Составивъ списокъ, онъ примѣняетъ его къ критикѣ. Онъ налагаетъ руку на памятники, относящіеся къ исторіи вѣры и располагаетъ ихъ по эпохамъ такъ, что отдѣльные памятники соотвѣтствуютъ данному списку, всегда помня правило, что потребность должна предварять фактъ, а фактъ— разсказъ о немъ. Конечно иногда нѣкоторыя части книгъ, напр., Апостольскія посланія, сами являются вызваннымъ потребностью фактомъ. Но какъ бы то ни было законъ тотъ, что эпоха всякаго памятника должна быть опредѣляема не иначе, какъ на основаніи эпохи каждой возникшей въ церкви потребности.

Кромѣ того нужно установить различіе между возникновеніемъ извѣстнаго факта и его развитіемъ, такъ какъ то, что можетъ возникнуть въ одинъ день, достигаетъ развитія только съ теченіемъ времени. Поэтому критикъ долженъ памятники, уже распредѣленные, какъ мы сказали, по эпохамъ, снова раздѣлить на двѣ части, изъ коихъ одна должна относиться къ возникновенію явленія, а другая къ его развитію. Затѣмъ онъ снова долженъ расположить ихъ хронологически.

Здѣсь снова мѣсто для философа; онъ заставляетъ историка вести свои изысканія такъ, какъ предписываютъ правила и законы эволюціи. Историкъ долженъ снова обслѣдовать документы и внимательно углубиться въ тѣ обстоятельства и условія, въ которыхъ церковь жила въ извѣстныя эпохи, въ ея консервативную силу, во внутреннія и внѣшнія потребности, побуждавшія къ прогрессу, въ встрѣчавшіяся препятствія, однимъ словомъ во все то, что выясняло бы, какимъ образомъ осуществлялись законы эволюціи. Послѣ этого выясненія слѣдуетъ очеркъ исторіи, написанный самымъ поверхностнымъ образомъ. Наконецъ критикъ приходитъ на помощь и подгоняетъ къ этой схемѣ остальные документы и исторія готова.

Кѣмъ же, спросимъ, написана эта исторія? Историкомъ или критикомъ? Конечно ни тѣмъ, ни другимъ, а философомъ. Все это — чисто апріорное построеніе, переполненное притомъ ересями. Поистинѣ жаль этихъ людей, о которыхъ апостолъ сказалъ: осуетились они въ умствованіяхъ своихъ... называя себя умными, обезумѣли [1]), однако они возбуждаютъ гнѣвъ, когда обвиняютъ церковь въ томъ, что она такимъ образомъ расположила и перемѣшала памятники, чтобы они говорили въ ея пользу. Они приписываютъ церкви то, за что ихъ самихъ явно упрекаетъ совѣсть.

Какъ нужно относиться къ Библіи. Изъ раздѣленія и распредѣленія памятниковъ по эпохамъ слѣдуетъ, что нельзя приписывать св. книги тѣмъ авторамъ, имена коихъ онѣ носятъ. Поэтому модернисты не колеблясь вездѣ утверждаютъ, что эти книги, въ особенности Пятокнижіе и три

[1]) Римл. I, 21, 22.

первыхъ Евангелія, постепенно образовались изъ какого-то первоначальнаго краткаго разсказа путемъ добавленій, вставокъ, богословскаго и аллегорическаго толкованія и даже вставокъ для связи различныхъ отдѣловъ.

Говоря яснѣе и короче, къ св. книгамъ должна быть примѣнена жизненная эволюція, происходящая изъ эволюціи вѣры и соотвѣтствующая ей.

Они прибавляютъ, что слѣды этой эволюціи до того очевидны, что почти можно написать ея исторію. И дѣйствительно они пишутъ эту исторію и притомъ такъ увѣренно, что подумаешь, что они своими глазами видѣли особыхъ писателей, сдѣлавшихъ добавленія въ св. книги въ свои эпохи. Эту-то, по ихъ утвержденію, критику, называемую ими текстуальной, они считаютъ вспомогательной и стараются убѣдить, что такое-то слово или фактъ находятся не на своемъ мѣстѣ и приводятъ другіе подобные доводы. Они устанавливаютъ какъ бы типы рѣчей и повѣствованій и на основаніи ихъ судятъ съ увѣренностью, что стоитъ на своемъ мѣстѣ, и что на чужомъ. Насколько хорошъ такой методъ, пусть цѣнитъ, кто хочетъ. Однако кто услышитъ ихъ утвержденіе относительно ихъ библейскихъ работъ, благодаря которымъ отмѣчено въ священныхъ книгахъ столько несоотвѣтствій, подумаетъ, что никто до нихъ даже и не перечитывалъ этихъ книгъ и что безконечное множество ученыхъ, далеко превосходящихъ ихъ и талантомъ, и ученостью, и святостью жизни, не изслѣдовало ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Эти ученѣйшіе мужи не только не отвергали какой-либо части Писанія, а наоборотъ, чѣмъ глубже изучали его, тѣмъ большія хвалы воздавали Богу, за то, что Онъ удостоилъ человѣка такихъ откровеній. Но увы! Эти наши ученые не прилагали къ св. книгамъ такихъ пособій, какъ модернисты, то-есть не считали своею учительницей и руководительницей философію, получившую начало отъ отрицанія Бога и не брали ее критеріемъ для себя.

Теперь, кажется, ясно, каковъ историческій методъ модернистовъ. Впереди идетъ философъ, за нимъ слѣдуетъ историкъ, а потомъ, по порядку, критикъ внутренній и текстуальный. На самомъ дѣлѣ это не критикъ, а агностикъ, иманентистъ и эволюціонистъ, такъ какъ въ согласіи съ нимъ онъ видитъ свое значеніе и поэтому, кто согла-

шается и пользуется такою критикой, тотъ соглашается и съ проникающими ее заблужденіями и отвращается отъ католической доктрины. Поэтому можетъ показаться страннымъ, что до сихъ поръ такая критика пользуется вліяніемъ у католиковъ. Причина этого двоякаго характера: во-первыхъ союзъ, предусмотрительно заключенный между историками и критиками такого рода, несмотря на различіе національностей и религій, во-вторыхъ, величайшая наглость этихъ людей, такъ что, едва кто изъ нихъ откроетъ ротъ, они единогласно восхищаются и кричатъ о прогрессѣ науки; если же кто пожелаетъ дать должную оцѣнку ихъ чудовищнымъ выдумкамъ, они нападаютъ на него сомкнутымъ строемъ; кто станетъ отрицать ихъ, того они обвинятъ въ невѣжествѣ; а кто согласится съ ними и станетъ защищать ихъ, того они превозносятъ похвалами. Отсюда не мало обманутыхъ ими, которые, если бы внимательнѣе изучили дѣло, то пришли бы въ ужасъ. Вслѣдствіе этого могущественнаго преобладанія заблуждающихся и легкомыслія и неосторожности другихъ произошла проникающая черезъ все и все заражающая порча самой атмосферы. Но перейдемъ къ апологету.

5. Модернистъ, какъ апологетъ.

Апологетъ модернистъ зависитъ отъ модерниста философа двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, не прямо, пользуясь историческимъ матеріаломъ, подобраннымъ, какъ мы видѣли, по предписаніямъ философа; во-вторыхъ, прямо, принимая отъ него законы и критеріи. Отсюда обычное утвержденіе модернистовъ, что новая апологетика должна противупоставлять возраженіямъ противъ религіи историческія и психологическія изысканія. Поэтому апологеты модернисты начинаютъ свое дѣло увѣреніемъ раціоналистовъ, что они защищаютъ религію не на основаніи св. книгъ, не на основаніи историческихъ трудовъ, на которые обычно ссылается церковь и которые написаны по устарѣлому методу, а на основаніи реальной исторіи, написанной по модернистическимъ принципамъ и методу. Это утверждаютъ они не какъ доказательство ad hominem, а потому, что, по ихъ мнѣнію, только эта исторія сообщаетъ истину. Они

могутъ быть спокойны, что раціоналисты вѣрятъ ихъ искренности; развѣ раціоналисты не знаютъ, что они сражаются съ ними рука объ руку подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ? Вотъ почему они платятъ имъ похвалой. Истинный католикъ ужаснулся бы такихъ похвалъ, но модернисты радуются имъ и противупоставляютъ ихъ упрекамъ со стороны церкви.

Однако посмотримъ, какъ защищаютъ они религію. Модернистъ ставитъ себѣ слѣдующую цѣль: привести къ вѣрѣ человѣка лишеннаго ея, доставивъ ему опытъ о католической религіи, который, по ихъ мнѣнію, есть единственное основаніе вѣры. Путь къ этому открывается двоякій: объективный и субъективный. Исходя сначала изъ агностицизма, онъ стремится доказать, что въ религіи, и особенно въ католической, присутствуетъ такая жизненная сила (virtutem), которая убѣдитъ всякаго здравомыслящаго психолога и историка, что въ ея исторіи должно скрываться нѣчто непознаваемое. Для этого необходимо показать, что современная католическая религія есть та же самая, которую основалъ Христосъ или есть прогрессивное развитіе посѣяннаго Христомъ сѣмени.

Итакъ нужно опредѣлить, каково это сѣмя. Это излагаютъ они въ такой формулѣ: Христосъ возвѣстилъ пришествіе Царствія Божія, которое должно быть устроено въ скоромъ времени и въ которомъ Онъ, по волѣ Божіей, есть Мессія, Дѣятель и Устроитель. Затѣмъ должно показать, какимъ образомъ это сѣмя, всегда пребывая (immanens) и продолжаясь (permanens) въ католической религіи, постепенно развивалось исторически и приспособлялось къ послѣдующимъ обстоятельствамъ, извлекая изъ нихъ путемъ жизненнаго усвоенія годныя для себя догматическія, культовыя и церковныя формы, какія при этомъ ему приходилось преодолѣвать препятствія, какихъ побѣждать враговъ, какія переживать битвы и нападенія. Всѣ эти препятствія, противники, нападенія, битвы, наряду съ жизнью и плодовитостью церкви, доказываютъ, что, хотя законы эволюціи остались ненарушенными и въ исторіи церкви, однако одни они не въ силахъ вполнѣ объяснить ее, а тогда сама собою возникнетъ мысль о непознаваемомъ. Такъ разсуждаютъ они, не замѣчая одного, что опредѣленіе самаго этого пер-

вичнаго сѣмени составлено исключительно путемъ апріоризма философа агностика и эволюціониста и что формула эта создана ими произвольно, примѣнительно къ ихъ системѣ.

Защищая вышеуказанной аргументаціей католическую религію, новые апологеты охотно допускаютъ, что въ ней есть и не мало соблазнительнаго. Не безъ нѣкотораго удовольствія они повторяютъ, что въ догматахъ они находятъ ошибки и противорѣчія, прибавляя въ то же время, что это не только вполнѣ извинительное, но, что кажется удивительнымъ, вполнѣ естественное и законное явленіе. Такъ, по ихъ мнѣнію, въ св. книгахъ есть масса научныхъ и историческихъ ошибокъ, но, говорятъ они, здѣсь дѣло идетъ не о наукѣ и исторіи, а только о религіи и нравственности. Наука и исторія здѣсь что-то вродѣ обертки для нравственныхъ и религіозныхъ истинъ, что бы легче распространить ихъ въ народѣ. Такъ какъ народъ иначе мыслить не можетъ, то болѣе совершенная наука или исторія принесла бы здѣсь не пользу, а вредъ. Кромѣ того, прибавляютъ они, св. книги, какъ религіозныя по существу, обладаютъ жизнью, а у жизни есть своя истина и логика, отличная отъ истины и логики раціональной и даже другого порядка, чѣмъ та, т. е. истина приспособленія къ окружающей средѣ (medium) и къ цѣли жизни. Наконецъ, они доходятъ до того, что безъ всякаго ограниченія утверждаютъ, что все, что развивается жизнію, есть истинно и законно. Мы же, достопочтенные братья, для которыхъ истина есть одна и единственна и которые считаемъ, что св. книги, написанныя по вдохновенію св. Духа, имѣютъ своимъ авторомъ Бога [1]), утверждаемъ, что это значитъ приписывать Самому Богу полезную или оффиціозную ложь и подтверждаемъ словами Августина: если хотя разъ допустить въ такомъ авторитетѣ наклонъ къ какой либо сообразующейся съ обстоятельствами лжи, то въ этихъ книгахъ не останется ни одной частички, которая не показалась кому или невыполнимой на дѣлѣ или незаслуживающей вѣры и которую бы онъ не при-

[1]) Conc. Vat. De Revel., can. II.

писалъ намѣренной лжи автора [1]). Отсюда произойдетъ то, что, какъ замѣчаетъ далѣе св. учитель: въ нихъ, т. е. въ св. книгахъ, каждый будетъ вѣрить въ то, во что хочетъ, и во что не хочетъ, не будетъ вѣрить.

Но модернисты апологеты смѣло идутъ далѣе. Они допускаютъ, что въ священныхъ книгахъ встрѣчаются доводы въ пользу той или иной доктрины, не опирающіеся ни на какомъ разумномъ обоснованіи, напр. въ пророчествахъ. Но они защищаютъ и ихъ: искусство предсказанія оправдывается самою жизнію. Что же еще? Они допускаютъ, что Самъ Христосъ очевидно ошибался въ опредѣленіи времени пришествія царствія Божія и говорятъ, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ и Онъ подчинялся законамъ жизни. Что же послѣ этого сказать о догматахъ церкви? Они наполнены вопіющими противорѣчіями, но помимо того, что они допущены логикой жизни, они не подрываютъ символической истинности: въ нихъ идетъ дѣло о безконечномъ, а о безконечномъ можно имѣть и безконечное количество взглядовъ. Въ концѣ концовъ они доходятъ въ защитѣ этихъ противорѣчій до того, что не колеблясь утверждаютъ, что нельзя воздать большую честь безконечному, какъ приписавъ ему противорѣчивыя свойства.

Но невѣрующаго можно привести къ вѣрѣ разсужденіями не только объективнаго характера, но и субъективнаго. Для этого модернисты обращаются къ доктринѣ имманентности. Здѣсь они стараются убѣдить человѣка, что въ немъ самомъ, въ глубинахъ его природы и жизни скрывается какая-то потребность, какое-то желаніе религіи и не всякой религіи, а именно религіи католической; ибо ея требуетъ, постулируетъ, говорятъ они, совершенное развитіе жизни.

Здѣсь намъ слѣдуетъ сильно посѣтовать на то, что встрѣчаются католики, хотя и отвергающіе имманентность какъ догматъ, однако пользующіеся ею для апалогетики, и дѣлаютъ это они настолько неосторожно, что, повидимому, допускаютъ не только способность и склонность (capacitatem et convenientiam) къ сверхъестественному, (что всегда съ извѣстными ограниченіями доказывали и католическіе бо-

[1]) Epist, 28.

гословы, а и въ собственномъ смыслѣ слова потребность (exigentiam).

Говоря по правдѣ, эта потребность въ католической религіи изобрѣтена болѣе умѣренными модернистами. А остальные, которыхъ можно назвать интегралистами, хотятъ доказать, что у еще не вѣрующаго человѣка есть то же самое сѣмя, скрывающееся въ немъ, которое было въ сознаніи Христа и которое передано было Имъ людямъ.

Итакъ, достопочтенные братья, мы познакомились въ общихъ чертахъ съ апологетическимъ методомъ модернистовъ, согласующимся, очевидно, съ ихъ ученіемъ, методомъ, также какъ и ученіе, полнымъ заблужденій, годнымъ не для наставленія, а для разрушенія, не для созиданія католиковъ, а для совлеченія самихъ католиковъ въ ересь и вообще гибельнымъ для всякой религіи.

6. Модернистъ, какъ реформаторъ.

Остается сказать кое-что о модернистѣ, какъ реформаторѣ. Уже изъ вышесказаннаго вполнѣ ясно, какимъ сильнымъ стремленіемъ къ новшествамъ одержимы эти люди. Это стремленіе касается всѣхъ сторонъ католичества. Они хотятъ обновить философію, особенно въ духовныхъ семинаріяхъ такъ, что бы, предоставивъ схолистической философіи мѣсто въ исторіи философіи между прочими отжившими системами, преподавать юношамъ философію модернистическую, единственно истинную и соотвѣтствующую нашей эпохѣ.

Для обновленія, называемаго нами раціональнымъ, богословія они хотятъ имѣть основаніемъ новую философію, а въ основу позитивнаго богословія поставить исторію догматовъ. Они требуютъ, чтобы исторія составлялась и преподавалась по ихъ методу и принципамъ. Догматы и ихъ развитіе должны быть согласованы съ наукой и исторіей. Что касается катехизаціи, то они требуютъ, чтобы въ катехизисахъ догматы излагались въ обновленномъ видѣ и примѣнительно къ народному пониманію. Относительно богослуженія они говорятъ, что внѣшнія церемоніи должно сократить или, по крайней мѣрѣ, не умножать. Впрочемъ, нѣкоторые болѣе снисходительны въ этомъ отношеніи изъ за любви къ символамъ.

Относительно церковнаго управленія они кричатъ, что оно должно быть преобразовано во всѣхъ отношеніяхъ и въ особенности въ отношеніяхъ дисциплинарномъ и догматическомъ. И внутри и снаружи оно должно быть сообразовано съ современнымъ, какъ говорятъ они, сознаніемъ, всецѣло склонившимся на сторону демократіи. Поэтому нужно предоставить участіе въ управленіи низшему клиру и самимъ мірянамъ и произвести децентрализацію власти. Нужно преобразовать и римскія конгрегаціи и прежде всего конгрегаціи инквизиціи и индекса. Стремятся они также измѣнить направленіе политики церковной власти въ области соціальной и политической, чтобы, стоя внѣ гражданскихъ организацій, она приспособлялась къ нимъ, что бы пропитать ихъ своимъ духомъ. Въ морали они усвояютъ принципъ американизма, что, какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ нужно активныя добродѣтели ставить выше пассивныхъ. Клиръ они стремятся вернуть къ древнему смиренію и бѣдности и навязать ему свои взгляды и свой характеръ дѣятельности. Наконецъ, весьма охотно прислушиваясь къ слову своихъ учителей-протестантовъ, они желаютъ уничтоженія целибата. Итакъ что же оставляютъ они нетронутымъ въ церкви, чего бы не хотѣли они преобразовать сообразно своимъ принципамъ?

Модернизмъ есть собраніе всѣхъ ересей. Быть можетъ, кому покажется, достопочтенные братья, что мы слишкомъ долго излагали ученіе модернистовъ. Но это было необходимо, какъ для того, чтобы опровергнуть обычный упрекъ модернистовъ въ томъ, что мы не знаемъ ихъ истиннаго ученія, такъ и для того, чтобы показать, что, когда идетъ дѣло о модернизмѣ, дѣло идетъ не объ отрывочныхъ ничѣмъ не связанныхъ между собою положеніяхъ, а объ одномъ какъ бы законченномъ организмѣ, въ которомъ, если допустить одно, остальное слѣдуетъ съ необходимостью. Поэтому мы воспользовались нѣсколько дидактической формой и не выбрасывали иногда даже обычныхъ у модернистовъ варварскихъ терминовъ. Теперь, никто не удивится, если, бросивъ общій взглядъ на всю систему, мы опредѣлимъ ее, какъ собраніе всѣхъ ересей.

Если бы кто поставилъ себѣ задачу собрать во едино какъ бы сокъ и кровь всѣхъ ересей, сколько ихъ ни было,

то никто не могъ бы сдѣлать это совершеннѣе, чѣмъ сдѣлали модернисты. Они пошли въ этомъ отношеніи такъ далеко, что разрушили не только католическую религію, но и всякую вообще. Вотъ почему раціоналисты рукоплещутъ имъ, а болѣе откровенные и свободные изъ раціоналистовъ привѣтствуютъ въ нихъ своихъ самыхъ дѣятельныхъ помощниковъ.

Обратимся достопочтенные братья, къ этой гибельнѣйшей доктринѣ агностицизма. Закрывъ всякій доступъ къ Богу со стороны разума, они силятся открыть другой путь къ нему со стороны чувства и дѣйствія. Но кто не видитъ, насколько это ложно? Ибо чувство есть реакція души на дѣйствіе разума или ощущеній. Пусть будетъ отнятъ разумъ и человѣкъ будетъ рабски слѣдовать ощущеніямъ, къ чему онъ и безъ того склоненъ. Ложно далѣе потому, что фантазіи о религіозномъ чувствѣ не побѣдятъ здраваго смысла, а по здравому смыслу мы знаемъ, что, волненія души, овладѣвая ею, служатъ не пособіемъ, а препятствіемъ къ изслѣдованію истины самой въ себѣ, а та другая субъективная истина, происходящая изъ внутренняго чувства и дѣйствія, хотя и годна для забавы, однако ничего не дастъ человѣку, которому нужно знать, существуетъ ли внѣ его Богъ, въ руки Котораго онъ когда-нибудь впадетъ. Они призываютъ на помощь опытъ. Но что онъ прибавляетъ къ этому чувству души? Очевидно ничего, кромѣ его усиленія, пропорціонально которому становится тверже увѣренность въ истинности объекта. Но ни то, ни другое не превращаютъ чувство во что-либо другое и не измѣняютъ его природы, всегда подверженной обману, какъ скоро оно не управляется разумомъ, а наоборотъ даже подтверждаютъ ее и усиливаютъ, ибо чувство, чѣмъ интенсивнѣе, тѣмъ болѣе есть чувство. Что же касается религіознаго чувства и содержащагося въ немъ опыта, то вы хорошо знаете, достопочтенные братья, какая здѣсь нужна осторожность и какое знаніе, руководящее этою осторожностью. Вы знаете это изъ обращенья съ душами, въ коихъ преобладаетъ чувство, знаете изъ чтенія аскетическихъ книгъ, которыми модернисты пренебрегаютъ, и которыя однако излагаютъ ученіе гораздо болѣе прочное и обладаютъ болѣе тонкою прони-

цательностью въ наблюденіи, чѣмъ приписываемая себѣ модернистами.

Дѣйствительно, развѣ это не безуміе или, по крайней мѣрѣ, не величайшее неблагоразуміе считать за истину безъ всякаго изслѣдованія внутренній опытъ, чѣмъ хвалятся модернисты. Почему же, спросимъ мимоходомъ, если такова сила и твердость этого опыта, не приписываютъ они того же самаго тому опыту, который имѣютъ по ихъ утвержденію многія тысячи католиковъ о заблужденіи модернистовъ?

Почему же только одинъ этотъ опытъ ложенъ и обманчивъ? Громадная часть человѣчества держится и всегда будетъ твердо держаться того убѣжденія, что никогда нельзя придти къ познанію Бога путемъ одного чувства и опыта, безъ руководства и свѣта мысли. Итакъ ничего не остается кромѣ атеизма и отрицанія всякой религіи.

Не можетъ помочь модернизму его ученіе о символизмѣ. Вѣдь если всѣ интеллектуальные элементы, какъ говорятъ они, суть только символы Бога, то почему не можетъ быть символомъ и самое имя Бога или имя божественной личности. Если допустить это, то и личность Божества является спорною и открывается дорога къ пантеизму.

Туда же, т. е. къ чистому, безпримѣсному пантеизму, ведетъ и другая доктрина о божественной имманентности. Зададимъ одинъ вопросъ: при такой имманетности различается ли Богъ отъ человѣка или нѣтъ? Если различается, то въ чемъ будетъ разница отъ католическаго ученія и какое основаніе для отверженія внѣшняго откровенія? Если же не различается, то мы имѣемъ пантеизмъ. Но, доктрина имманентности устанавливаетъ, что всякое явленіе въ сознаніи происходитъ отъ человѣка и есть только человѣкъ. Отсюда необходимо слѣдуетъ выводъ, что Богъ и человѣкъ одно и тоже, т. е. пантеизмъ. Наконецъ, другого вывода не допускаетъ и устанавливаемое ими различіе между знаніемъ и вѣрой. Объектъ знанія есть реальность познаваемаго. Наоборотъ объектъ вѣры есть реальность непознаваемаго. Непознаваемость возникаетъ потому, что нѣтъ никакой пропорціональности между объективной матеріей и разумомъ. Эту непропорціональность не можетъ уничтожить ничто въ мірѣ, не исключая и доктрины модернистовъ. Слѣдовательно,

непознаваемое всегда останется непознаваемымъ и для вѣрующаго и для философа. Слѣдовательно возможна только религія непознаваемой реальности. Мы не можемъ понять, почему этою реальностью не можетъ быть также душа міра, которую допускаютъ и нѣкоторые раціоналисты. Но теперь слишкомъ ясно. сколь многочисленными путями доктрина модернистовъ влечетъ къ атеизму и къ разрушенію всякой религіи. Первый шагъ по этому пути сдѣлало протестанство, второй сдѣланъ модернизмомъ, слѣдующій шагъ сдѣлаетъ атеизмъ.

IV.

Причины модернизма.

Причины нравственныя: любопытство и гордость.

Для болѣе глубокаго пониманія модернизма и изысканія болѣе вѣрныхъ средствъ для излеченія этой раны теперь нужно, достопочтенные братья, изслѣдовать причины, породившія и поддерживающія это зло. Несомнѣнно, что ближайшая причина лежитъ въ извращеніи ума, а дальнѣйшія причины двѣ: любопытство (излишняя пытливость—curiositas) и гордость. Одного, несдерживаемаго благоразуміемъ, любопытства достаточно для объясненія какого-угодно заблужденія. Поэтому справедливо писалъ нашъ предшественникъ Григорій XVI: Весьма печально видѣть до чего доходятъ блужданія человѣческаго разума, когда онъ стремится къ новшествамъ и, вопреки увѣщанію апостола, пытается мудрствовать болѣе, чѣмъ слѣдуетъ и, чрезъ мѣру полагаясь на себя, думаетъ отыскать истину внѣ католической Церкви, въ которой она сама находится безъ всякой тѣни малѣйшаго обмана [1]).

Но еще болѣе содѣйствуетъ ослѣпленію души и вовлеченію ея въ заблужденіе гордость. Она въ доктринѣ модернистовъ какъ у себя дома, питаемая отовсюду и являясь повсѣхъ видахъ. Вслѣдствіе гордости они такъ увѣрены въ себѣ, что считаютъ себя самихъ какъ бы образцомъ для

[1]) Ep. Encycl. Singulari Nos 25 іюня. 1834.

всѣхъ. Вслѣдствіе гордости они хвалятся, что только они одни обладаютъ мудростію и надменно говорятъ, мы не таковы, какъ прочіе люди; чтобы не стать на ряду съ прочими, они изобрѣтаютъ самыя нелѣпыя новшества. По гордости они отвергаютъ всякое подчиненіе и стремятся соединить власть со свободой. По гордости, забывъ о самихъ себѣ, думаютъ реформировать только другихъ, не чувствуя никакого уваженія къ власти, не исключая и власти верховной. Нѣтъ пути къ модернизму прямѣе и короче, чѣмъ гордость. Если какой католикъ міряннинъ ли, священникъ ли позабылъ объ основной заповѣди христіанской жизни, обязывающей насъ отвергнуться себя, если мы хотимъ слѣдовать за Христомъ и не уничтожилъ гордости въ сердцѣ своемъ, то онъ какъ нельзя болѣе подготовленъ къ усвоенію заблужденій модернистовъ. Поэтому, достопочтенные братья, вашей первой обязанностью должно быть: противостать такимъ гордымъ людямъ, назначать ихъ на низшія и мелкія должности, чтобы тѣмъ болѣе унизить ихъ, чѣмъ выше они превозносятся и чтобы они, занимая низшее мѣсто, имѣли бы менѣе возможности вредить. Кромѣ того вы должны тщательно испытать воспитанниковъ вашихъ семинарій, какъ непосредственно сами, такъ и черезъ начальниковъ этихъ семинарій и если найдете у кого духъ гордыни, рѣшительно не допускайте его въ клиръ. О если бы всегда проявлялась нужная здѣсь бдительность и твердость!

Причины интеллектуальныя: незнакомство со схоластической философіей. Переходя отъ причинъ моральныхъ къ причинамъ интеллектуальнымъ, мы встрѣчаемся прежде всего съ важнѣйшей причиной — невѣжествомъ. Дѣйствительно, модернисты, сколько бы ихъ ни было, желающіе быть и казаться учителями въ Церкви, всячески превозносящіе новую философію и презирающіе схоластическую, только потому увлекаются ею, обманутые ея прикрасами и приманками, что, не зная схоластики какъ слѣдуетъ, не имѣютъ нужнаго оружія для устраненія смѣшенія понятій и опроверженія софизмовъ. Итакъ ихъ система, такъ изобилующая заблужденіями, произошла изъ союза ложной философіи съ ихъ вѣрою.

Пропаганда модернизма. О если бы они менѣе заботилнсь о пропагандѣ! Но ихъ энергія, ихъ неутомимый трудъ та-

ковы, что прямо становится досадно, что на погибель церкви тратятся такія силы, которыя, при правильномъ приложеніи, могли бы оказать ей величайшую помощь. Они пользуются двумя пріемами для совращенія душъ. Прежде всего они стараются устранить встрѣчающіяся имъ препятствія, а затѣмъ они самымъ тщательнымъ образомъ отыскиваютъ полезное для нихъ и нелѣностно и весьма терпѣливо прилагаютъ къ дѣлу. Они прекрасно понимаютъ, что ихъ попыткамъ мѣшаютъ всего болѣе три препятствія: схоластическій методъ философіи, авторитетъ отцовъ и преданія и церковное учительство. Съ ними-то они и ведутъ ожесточеннѣйшую войну. Поэтому они осмѣиваютъ и презираютъ схоластическую философію и богословіе. Дѣлаютъ ли это они по невѣжеству или изъ страха, или, скорѣе, по той и другой причинѣ, несомнѣнно одно, что они всегда соединяютъ любовь къ новшествамъ съ ненавистью къ схоластическому методу и самый вѣрный признакъ начавшагося увлеченія модернизмомъ—это отказъ отъ схоластическаго метода Пусть модернисты и сочувствующіе имъ вспомнятъ объ осужденномъ Піемъ IX положеніи: Методъ и принципы, которыми пользовались древніе схоластическіе ученые при разработкѣ богословія, совершенно не соотвѣтствуютъ потребностямъ нашихъ временъ и прогрессу знанія [1]).

Они стараются искуснѣйшимъ образомъ извратить силу и природу преданія, чтобы лишить его авторитета и значенія. Но всегда будетъ закономъ для католиковъ постановленіе II Никейскаго собора, который осудилъ тѣхъ, которые осмѣливаются, слѣдуя нечестивымъ еретикамъ, презирать преданія церковныя и измышлять какое-либо новшество... или что-либо для извращенія законныхъ преданій католической церкви. Будетъ всегда закономъ и постановленіе IV Константинопольскаго собора:

Итакъ мы обязываемся сохранять и оберегать правила, преданныя святой католической и апостольской церкви и святыми преславными апостолами, и вселенскими православными и помѣстными собо-

[1]) Syllabus I, 13.

рами или какимъ-нибудь божественнымъ отцомъ и учителемъ церкви. Поэтому римскіе первосвященники Пі IV и Пій IX включили въ исповѣданіе вѣры такое положеніе: я твердо исповѣдую и принимаю апостольскія и церковныя преданія и остальныя правила и постановленія церкви.

О святѣйшихъ отцахъ церкви модернисты судятъ также, какъ и о преданіи. Съ величайшимъ безуміемъ они обычно объявляютъ ихъ, хотя и достойными почитанія, но весьма невѣжественными въ критикѣ и исторіи, что имѣетъ извиненіе только въ эпохѣ, въ которую они жили.

Наконецъ всѣми силами они стараются унизить авторитетъ церковнаго учительства, святотатственно извращая его происхожденіе, природу и права и охотно повторяя клеветы на него его противниковъ. Къ модернистамъ приложимо то, что съ величайшею скорбію писалъ нашъ предшественникъ: Чтобы навлечь презрѣніе и ненависть къ таинственной Невѣстѣ Христа, которая есть истинный свѣтъ міру, сыны мрака публично вѣроломно клевещутъ на нее и, извративъ смыслъ и значеніе предметовъ и словъ, выставляютъ ее подругой тьмы, кормилицей невѣжества, противницей просвѣщенія и прогресса [1]). Послѣ этого неудивительно, если модернисты со всею злобою и ненавистью преслѣдуютъ католиковъ, мужественно борющихся за церковь. Нѣтъ такихъ обидъ, которыхъ они не наносили бы имъ, но чаще всего они обвиняютъ ихъ въ невѣжествѣ и упорствѣ. Но если они боятся учености и умственной силы противника, то пытаются обезсилить его намѣреннымъ замалчиваніемъ. Такое отношеніе къ католикамъ заслуживаютъ тѣмъ большаго презрѣнія, что въ то же время они безъ всякой мѣры превозносятъ похвалами всякаго соглашающагося съ ними. Если появится книга, всецѣло проникнутая новшествомъ, то они встрѣчаютъ и принимаютъ ее съ великими рукоплесканіями. И чѣмъ смѣлѣе извращаетъ она старое и отвергаетъ церковное учительство, тѣмъ болѣе ученой объявляютъ они ее.

Наконецъ, что ужаснетъ всякаго добраго католика, если кто-либо изъ нихъ подпадетъ подъ осужденіе церкви, они,

---

[1]) Motu propr. Ut mysticam 14 марта. 1891.

окруживъ его, не только открыто и безконечно превозносятъ его, но воистину почитаютъ его, какъ мученика. Увлеченные и смущенные всѣмъ этимъ шумомъ похвалъ и оскорбленій молодые умы, то не желая прослыть невѣждами, то желая казаться учеными, побуждаемые любопытствомъ и гордостью, часто уступаютъ натиску и бросаются въ модернизмъ.

То же можно сказать и о пріемахъ, посредствомъ которыхъ модернисты сбываютъ свои товары. Чего только не выдумываютъ они для умноженія числа своихъ послѣдователей. Они занимаютъ каѳедры въ семинаріяхъ, въ университетахъ и превращаютъ ихъ въ источники заразы. Даже говоря въ храмахъ, они, хотя и прикровенно, проповѣдуютъ свое ученіе, болѣе открыто говорятъ они на конгрессахъ, они пропитываютъ ими и соціальныя учрежденія. Они издаютъ подъ своимъ или чужимъ именемъ книги, газеты, журналы. Одинъ и тотъ же авторъ пользуется нѣсколькими псевдонимами, чтобы прельстить неосторожныхъ многочисленностью согласныхъ между собою авторовъ. Кратко сказать и дѣломъ, и словомъ, и писаніемъ пытаются достигнуть они своей цѣли, какъ одержимые какою-то маніей. Какой же результатъ всего этого? Мы оплакиваемъ большое число молодыхъ людей, подававшихъ прекрасныя надежды и обѣщавшихъ оказать большія услуги церкви, но свернувшихъ съ истиннаго пути. Мы жалѣемъ о еще болѣе многочисленныхъ людяхъ, хотя и не пошедшихъ такъ далеко, однако, проникнувшись духомъ порчи, привыкшихъ размышлять, говорить и писать далеко не такъ, какъ приличествуетъ католикамъ. Такіе люди встрѣчаются и среди мірянъ, и среди клириковъ и даже среди монаховъ. Они разсматриваютъ библейскую науку съ точки зрѣнія принциповъ модернистовъ. Составляя исторію, они, подъ видомъ служенія истинѣ, прилежно и съ очевиднымъ удовольствіемъ опубликовываютъ то, что бросаетъ тѣнь на церковь. Руководимые какимъ-то апріоризмомъ, онн всѣми силами стараются разрушить священныя преданія народа. Они презираютъ священныя реликвіи, достойныя почтенія по своей древности. Очевидно, они руководятся суетнымъ желаніемъ, чтобы о нихъ говорилъ весь міръ, чего они не достигли бы, если бы говорили только то, что говорится всегда и

всѣми. Между тѣмъ они убѣждены, что служатъ Богу и церкви, но на самомъ дѣлѣ они оскорбляютъ ихъ самымъ тяжкимъ образомъ, не столько своими трудами, сколько тою цѣлью, которая руководитъ ими и тѣмъ содѣйствіемъ, которое они оказываютъ модернистамъ.

III.

Лекарства противъ модернизма.

Уже нашъ предшественникъ, блаженной памяти, Левъ XIII пытался противостать явному и тайному натиску такихъ заблужденій, особенно въ библейскихъ вопросахъ, и словомъ, и дѣломъ. Но, какъ мы видѣли, модернисты не легко устрашаются такимъ оружіемъ: показывая послушаніе и смиреніе, они не принимаютъ на свой счетъ словъ Верховнаго Первосвященника, а мѣры противъ нихъ относятъ къ кому-то другому. Такимъ образомъ зло возрастало изо дня въ день. Поэтому, достопочтенные братья, Мы рѣшили немедленно принять болѣе дѣйствительныя мѣры. А васъ Мы просимъ и молимъ проявить въ столь важномъ дѣлѣ полную бдительность, ревность и твердость. Того же мы требуемъ и ожидаемъ и отъ другихъ пастырей душъ, отъ воспитателей и учителей духовнаго юношества, въ особенности же отъ начальниковъ духовно-учебныхъ заведеній.

I. Прежде всего, что касается обученія, мы желаемъ и рекомендуемъ, чтобы въ основу богословія была положена схоластическая философія. Если у схоластическихъ ученыхъ встрѣтятся излишнія тонкости или положенія, мало обдуманныя, или что не согласное съ открытіями позднѣйшаго времени или, наконецъ, что-либо неправдоподобное, то мы вовсе не намѣрены предлагать подражать этому нашему времени [1]). Особенно важно то, что когда мы предписываемъ слѣдовать схоластической философіи, мы разумѣемъ подъ ней въ особенности философію Ѳомы Аквината; все, что ни постановлено относительно ея нашимъ предшественникомъ, Мы желаемъ, чтобы осталось въ силѣ и насколько нужно

[1]) Leo XIII Enc. Aeterni Patris.

утверждаемъ и предписываемъ къ общему неуклонному исполненію. Если въ какой семинаріи это не соблюдалось, то дѣло епископа потребовать исполненія этого на будущее время. То же предписываемъ мы и начальникамъ орденовъ. А учителей мы увѣщаемъ, чтобы они помнили, что нельзя обойтись безъ Аквината безъ великаго труда особенно въ метафизикѣ.

На этомъ философскомъ фундаментѣ пусть прилежно созидаютъ зданіе богословія. Содѣйствуйте, достопочтенные братья, занятію богословіемъ, насколько можете, чтобы выходящіе изъ семинаріи клирики были пропитаны глубокимъ благоговѣніемъ и величайшею любовью къ нему и всегда считали его наслажденіемъ. Ибо никто не долженъ забываютъ, что среди великаго множества и разнообразія наукъ, предлагаемыхъ жаждущему истины уму, первое мѣсто по праву принадлежитъ богословію, какъ древнему выраженію (effatum) мудрости, и обязанность прочихъ наукъ и видовъ знанія подчиняться ему и служить, по примѣру слугъ. [1]). Прибавимъ сюда, что намъ представляются заслуживающими похвалы и тѣ люди, которые, вполнѣ уважая Преданіе и Отцовъ и церковное учительство, мудрымъ сужденіямъ и пользуясь католическими нормами (это встрѣчается не у всѣхъ) стараются освѣтить заимствованнымъ отъ истинной исторіи свѣтомъ позитивное богословіе. Позитивному богословію нужно приписывать бо̀льшее значеніе, чѣмъ приписывалось прежде, но при этомъ и схоластика не должна терпѣть никакого ущерба и потому достойны порицанія тѣ, какъ напр. модернисты, которые превозносятъ позитивное богословіе до такой степени, что кажется, что они унижаютъ этимъ богословіе схоластическое.

Относительно свѣтскихъ наукъ достаточно привести мудрыя слова нашего предшественника: Прилежно занимайтесь естественными науками, гдѣ въ наше время сдѣланы геніальныя открытія и полезныя примѣненія, которымъ по справедливости удивляются современники и которыя католики будутъ прославлять

---

[1]) Leon XII, litt. ap. In magna, 10 gen. 1889.

постояннымъ одобреніемъ и похвалою [1]). Однако—не въ ущербъ богословію, онъ чего строго предостерегаетъ тотъ же нашъ предшественникъ; если кто глубже изслѣдуетъ причину этихъ заблужденій, то онъ пойметъ, что причины эти лежатъ главнымъ образомъ въ томъ, что, насколько въ наше время увеличилось стремленіе къ изученію природы, настолько пали болѣе важныя и возвышенныя науки: однѣ изъ нихъ почти забыты людьми, другія изучаются вяло и поверхностно, и что возбуждаетъ негодованіе, лишивъ ихъ блеска прежняго величія, ихъ извращаютъ превратными ученіями и чудовищными мнѣніями [2]). Мы предписываемъ руководиться этимъ правиломъ при изученіи естествознанія въ семинаріяхъ.

II.

Всѣ эти предписанія, какъ наши, такъ и нашего предшественника нужно имѣть передъ глазами всякій разъ какъ идетъ дѣло о назначеніи начальниковъ или профессоровъ католическихъ семинарій или университетовъ. Кто какимъ-нибудь образомъ окажется пропитаннымъ модернизмомъ, тотъ безъ всякаго снисхожденія и безъ всякаго исключенія не долженъ быть назначаемъ на должность начальника или профессора, а если онъ ее занимаетъ, то долженъ быть отрѣшенъ отъ нея. Точно также, кто тайно или явно сочувствуетъ модернизму или восхваляя модернистовъ, или извиняя ихъ вину, или подрывая схоластику, Отцовъ, учительство, или не оказывая повиновенія церковной области въ чемъ бы то ни было, точно также тотъ кто вноситъ духъ новшества въ археологію, въ исторію, въ библейскую науку, точно также тотъ, кто пренебрегаетъ богословіемъ, или предпочитаетъ ему свѣтскія науки. Въ этомъ дѣлѣ, достопочтенные братья, особенно въ выборѣ учителей, никакая осторожность и твердость никогда не будетъ излишней, ибо направленіе учениковъ зависитъ отъ примѣра учителей. Поэтому, полагаясь на сознаніе долга, дѣйствуйте здѣсь бла-

---

[1]) Аллокуція 7 марта 1880 г.

[2]) Loc. cit

горазумно и рѣшительно. Съ одинаковою осторожностью и строгостью нужно испытывать и выбирать кандидатовъ на священныя должности. Пусть далеко, далеко отстоитъ отъ священной степени любовь къ новшеству. Богъ ненавидитъ гордыя и заносчивыя души! Пусть никому не дается степень доктора богословія или каноническаго права раньше, чѣмъ онъ пройдетъ установленный курсъ схоластической философіи, а если она ему будетъ дана, то пусть считается лишенной силы. Предписанія, сдѣланныя священной конгрегаціей епископовъ и монаховъ въ опредѣленіи 1896 года свѣтскому и монашескому клиру въ Италіи относительно посѣщенія университетовъ въ Италіи, мы отнынѣ распространяемъ на всѣ націи. Клирикамъ и священникамъ, записавшимся въ какой-либо католическій Университетъ или Институтъ, запрещается слушать параллельный курсъ въ свѣтскомъ университетѣ. Гдѣ это до сихъ поръ было дозволено, запрещаемъ на будущее время. Наблюдающіе за этими Университетами или Институтами епископы должны позаботиться, чтобы наши вышеупомянутые предписанія были исполнены въ точности.

III.

Точно также епископы обязаны не допускать къ печати, а если они уже напечатаны, запрещать читать сочиненія модернистовъ и сочиненія, сочувствующія и распространяющія модернизмъ. Книги и журналы такого рода не должны попадаться въ руки учениковъ семинаріи или слушателей Университетовъ, такъ какъ они не менѣе вредны, чѣмъ безнравственныя сочиненія, и даже болѣе, такъ какъ отравляютъ источники христіанской жизни. Не иначе нужно судить и о сочиненіяхъ нѣкоторыхъ католиковъ, людей конечно не злонамѣренныхъ, но чуждыхъ богословскаго образованія и пропитанныхъ новою философіей, которую они пытаются примирить съ вѣрою для ея, какъ говорятъ они, пользы. Эти, читаемыя безъ всякаго опасенія въ виду добраго имени и славы автора, сочиненія тѣмъ болѣе опасны, что незамѣтно склоняютъ къ модернизму.

Вообще, достопочтенные братья, какъ предписываемъ Мы въ столь важномъ дѣлѣ, рѣшительно стремитесь изгнать

изъ вашихъ епархій всѣ вредныя для чтенія книги, пользуясь даже торжественнымъ интердиктомъ. Ибо, хотя Апостольская Каѳедра употребляетъ все стараніе для уничтоженія такихъ сочиненій, однако они настолько умножились, что не хватаетъ силъ подвергать всѣ ихъ цензурѣ. Поэтому лекарство иногда является слишкомъ поздно, когда зло уже усилилось. Итакъ мы желаемъ, чтобы епископы, отложивъ всякій страхъ и плотское благоразуміе, пренебрегая криками злыхъ людей кротко конечно, но твердо исполняли свой долгъ; помня, что предписалъ Левъ XIII въ апостольской конституціи Officiorum: Пусть начальники, какъ делегаты Апостольской Каѳедры позаботятся о запрещеніи вредныхъ сочиненій, изданныхъ или распространенныхъ въ ихъ епархіи и объ изъятіи ихъ изъ рукъ вѣрующихъ. Здѣсь не только дается право, но и налагается обязанность. Пусть никто не думаетъ, что онъ исполнилъ свою обязанность, если, представивъ намъ одну, двѣ книги, предоставитъ многочисленнымъ остальнымъ распространяться въ епархіи. Пусть не смущаетъ васъ, достопочтенные братья, если авторъ какой-либо книги получилъ гдѣ-нибудь разрѣшеніе, обычно называемое Imprimatur: оно можетъ быть и подложнымъ или даннымъ по нерадѣнію или чрезмѣрной благосклонности и довѣрчивости къ автору, что иногда случилось среди монашествующихъ. Кромѣ того, какъ одна и та же пища не годится для всѣхъ, такъ и книги, безвредныя въ одномъ мѣстѣ, могутъ оказаться вредными, смотря по обстоятельствамъ, въ другомъ. Итакъ, если епископъ, по совѣту мудрыхъ людей, запретитъ какую-либо книгу въ своей епархіи, мы даемъ ему на это право и даже предписываемъ это.

Пусть это дѣло совершается благоразумно, и, если достаточно, пусть ограничивается запрещеніемъ книгъ для одного клира; однако католики книгопродавцы не должны продавать запрещенныхъ епископомъ книгъ. И, такъ какъ объ этомъ зашла рѣчь, пусть епископы остерегаются изъ любви къ прибыли, получать неблаговидную плату отъ книгопродавцевъ: въ нѣкоторыхъ каталогахъ предлагаются книги модернистовъ съ не малою похвалой. Такихъ книгопродавцевъ, если они, не смотря на увѣщаніе, не окажутъ послушанія, нужно не колеблясь лишать званія католическихъ

книгопродавцевъ, тѣмъ болѣе называющихся книгопродавцами епископальными, а если они называются папскими, то о нихъ нужно доносить Апостольской Каѳедрѣ. Наконецъ мы всѣмъ напоминаемъ то, что содержитъ достопамятное Апостольская Конституція Officiorum въ 26 членѣ:

Всѣ, получившіе апостольское разрѣшеніе читать и держать запрещенныя книги, не могутъ въ силу его читать и держать книги и журналы, запрещенные мѣстною властью, если только отъ апостольской каѳедры имъ не дано будетъ разрѣшенія читать и держать книги, запрещенныя кѣмъ бы то ни было.

IV.

Однако не достаточно препятствовать чтенію и продажѣ дурныхъ книгъ, а нужно препятствовать и ихъ изданію. Поэтому пусть епископы разрѣшаютъ изданіе съ большою строгостью.

Въ виду того, что по Конституціи Officiorum для изданія многихъ книгъ требуется разрѣшеніе епископовъ, и такъ какъ, съ другой стороны, епископы сами не въ силахъ пересмотрѣть ихъ всѣ, то въ нѣкоторыхъ епархіяхъ назначается для ознакомленія съ книгами достаточное число оффиціальныхъ цензоровъ. Мы весьма восхваляемъ такой институтъ цензоровъ и не только рекомендуемъ, но и прямо предписываемъ распространить его на всѣ епархіи. Пусть во всѣхъ епископскихъ куріяхъ присутствуютъ оффиціальные цензоры, разсматривающіе сочиненія, предназначенныя для изданія; избираться они должны изъ того и другого клира, отличаясь зрѣлымъ возрастомъ, ученостью, благоразуміемъ и пусть они идутъ безопаснымъ среднимъ путемъ въ дѣлѣ одобренія и неодобренія ученія. Они должны просматривать всѣ сочиненія, которыя, согласно 41 и 42 члену упомянутой конституціи, не могутъ быть изданы безъ разрѣшенія. Цензоръ будетъ давать свое мнѣніе письменно. Если оно будетъ благопріятно, то епископъ дастъ разрѣшеніе на изданіе словомъ Imprimatur, которому, однако, должна предшествовать формула Nihil obstat съ именемъ цензора. Въ римской куріи такъ же, какъ и въ прочихъ, будутъ учреждены оффиціаль-

ные цензоры, ихъ будетъ назначать съ согласія кардинала-викарія и съ одобренія самого папы--Magister Sacri Palatii; онъ же будетъ имѣть право назначать цензоровъ для отдѣльныхъ сочиненій. Разрѣшеніе на изданіе сочиненій будетъ даваться тѣмъ же магистромъ, а также кардиналомъ-викаріемъ и его намѣстникомъ, подъ условіемъ одобренія цензора съ его именемъ. Только въ исключительныхъ и чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ, съ благоразумнаго разрѣшенія епископа, упоминаніе о цензорѣ можетъ быть пропущено. Имя цензора никогда не будетъ открыто авторамъ — до благопріятнаго рѣшенія, чтобы избавить цензора отъ непріятности или во время разсматриванія сочиненія, или, если онъ не разрѣшитъ изданія. Пусть цензоры изъ монаховъ не выбираются прежде, чѣмъ услышано будетъ секретно мнѣніе начальника провинціи или, если дѣло происходитъ въ Римѣ—генерала ордена, а онъ долженъ по совѣсти аттестовать добродѣтельность, ученость и чистоту догматическихъ взглядовъ избираемаго. Мы увѣщеваемъ начальниковъ орденовъ — никогда не дозволять издавать что-нибудь своимъ подчиненнымъ, безъ разрѣшенія ихъ и епископовъ. Наконецъ, мы объявляемъ, что титулъ цензора, которымъ кто-либо украшенъ, не можетъ имѣть значенія для подтвержденія его частныхъ мнѣній. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, мы приказываемъ соблюдать въ особенности точно то, о чемъ говорится въ 42 членѣ конституціи Officiorum: какъ свѣтскому, такъ и духовному клиру запрещено браться за изданіе газетъ и журналовъ, безъ разрѣшенія епископовъ, а если кто станетъ злоупотреблять этимъ разрѣшеніемъ, то пусть, послѣ увѣщанія, будетъ лишенъ его. Что касается священниковъ корреспондентовъ и сотрудниковъ, употребляя обычное выраженіе, то, такъ какъ часто бываетъ, что они помѣщаютъ въ газетахъ и журналахъ статьи, зараженныя модернизмомъ, то епископы пусть наблюдаютъ, чтобы они не погрѣшили, а если погрѣшатъ, то пусть увѣщеваютъ и запрещаютъ писать. Пусть дѣлаютъ тоже самое и начальники орденовъ, а въ случаѣ нерадѣнія съ ихъ стороны, епископы пусть принимаютъ мѣры, какъ делегаты верховнаго первосвященника. Издаваемые католиками газеты и журналы, насколько это возможно, пусть имѣютъ особаго цензора. Его обязанностью будетъ просма-

тривать книжки и нумера послѣ ихъ напечатанія; если онъ усмотритъ какую-либо опасную мысль, то пусть вставитъ поправку. То же самое право пусть принадлежитъ и епископу, если цензоръ будетъ слишкомъ снисходителенъ.

V.

Мы уже говорили о конгрессахъ и публичныхъ собраніяхъ, въ которыхъ модернисты стараются открыто защищать и распространять свои мнѣнія. Пусть епископы на будущее время не дозволяютъ собраній священниковъ, кромѣ самыхъ рѣдкихъ случаевъ. Если они дозволятъ его, то только подъ условіемъ, чтобы не было разсужденій о вопросахъ, касающихся епископовъ или апостольской каѳедры. Чтобы не вносились предложенія и требованія, враждебныя церковной власти, и чтобы были запрещены рѣчи, сочувствующія модернизму, пресвитеріанству или лаицизму. Въ такихъ собраніяхъ, которыя должны собираться съ особаго письменнаго разрѣшенія и въ удобное время, не долженъ присутствовать ни одинъ священникъ изъ другой епархіи безъ письменнаго разрѣшенія своего епископа. Кромѣ того, пусть ни одинъ священникъ не упускаетъ изъ виду важнаго предписанія Льва XIII: пусть власть ихъ предстоятелей будетъ священна для священниковъ, и пусть они считаютъ несомнѣннымъ, что священническое служеніе безъ епископскаго руководства не можетъ быть ни священнымъ, ни достаточно полезнымъ, ни почетнымъ [1]).

VI.

Но, достопочтенные братья, что пользы отдавать повелѣнія и приказанія, если они не будутъ точно и вѣрно исполняться. Чтобы наши желанія были исполнены, кажется, нужно распространить на всѣ епархіи то, что епископы Умбріи много лѣтъ тому назадъ съ величайшею мудростію постановили въ своихъ епархіяхъ: Чтобы изгнать уже распространившіяся заблужденія и помѣшать еще

[1]) Encycl. Nobilissima Gallorum, 10 февраля 1884 г.

большему ихъ распространенію, чтобы изгнать также учителей лжи, благодаря которымъ продолжаются гибельные плоды этого распространенія, святое собраніе постановило, по примѣру святого Карла Борромео, учредить въ каждой епархіи совѣтъ, образованный изъ надежныхъ людей обоихъ клировъ, который долженъ наблюдать, какими способами вкрадываются или распространяются новыя заблужденія и увѣдомлять о нихъ епископовъ, для принятія, по общему обсужденію, мѣръ, коими это зло можно подавить въ самомъ началѣ, чтобы оно не распространялось болѣе и болѣе къ погибели душъ или, что еще хуже, чтобы оно не укрѣплялось и не возрастало [1]). Поэтому мы опредѣляемъ, чтобы въ каждой епархіи былъ немедленно устроенъ такой совѣтъ, который намъ угодно назвать наблюдательнымъ совѣтомъ (a vigilantia). Участвующія въ немъ лица пусть избираются такимъ же способомъ, какой мы выше установили для цензоровъ. Пусть они собираются каждые два мѣсяца въ назначенный день подъ предсѣдательствомъ епископа. Разсужденія и постановленія ихъ должны храниться въ тайнѣ. Обязанности ихъ слѣдующія.

Они должны бдительно наблюдать надъ проявленіями и слѣдами модернизма какъ въ книгахъ, такъ и въ преподаваніи и принимать благоразумныя, но скорыя и дѣйствительныя мѣры для охраненія клира и юношества. Пусть они остерегаются новшества терминологіи (vocum) и помнятъ увѣщаніе Льва XIII: Нельзя одобрить въ католическихъ сочиненіяхъ такой языкъ, который, повидимому, изъ стремленія къ превратной новизнѣ осмѣиваетъ благочестіе вѣрныхъ и говоритъ о новомъ порядкѣ христіанской жизни, о новыхъ предписаніяхъ, церкви, о новыхъ стремленіяхъ современной души о новомъ соціальномъ призваніи клира, о новой христіанской гуманности и многихъ другихъ вещахъ того же рода [2]). Этого нельзя допускать ни въ книгахъ,

---

[1]) Акты собора епископовъ въ Умбріи (Ombrie), ноябрь 1849 года, гл. II, пр. 6.

[2]) S. C. AA. EE. EE. 27 янв. 1902 г.

ни въ лекціяхъ. Пусть они не пренебрегаютъ книгами, въ которыхъ говорится о мѣстныхъ благочестивыхъ преданіяхъ и священныхъ реликвіяхъ. Пусть они не дозволяютъ возбуждать такого рода вопросы въ газетахъ и душеполезныхъ журналахъ и говорить о нихъ въ тонѣ презрѣнія или насмѣшки или высказывать о нихъ рѣшительныя сужденія, особенно, какъ это бываетъ, когда на самомъ дѣлѣ утвержденія не выступаютъ изъ границъ вѣроятности и опираются на предвзятыхъ мнѣніяхъ.

Относительно священныхъ реликвій нужно соблюдать слѣдующее. Если епископы, единственно компетентныя лица въ этомъ вопросѣ, съ несомнѣнностью установятъ подложность какой либо реликвіи, то пусть она не будетъ служить предметомъ почитанія вѣрующихъ. Если документы о какой либо реликвіи погибнутъ во время политическихъ безпорядковъ или по какому другому случаю, то пусть эта реликвія не выставляется для публичнаго почитанія, пока епископъ не изслѣдуетъ ее надлежащимъ образомъ. Аргументы давности и общепринятости (praescriptionis, fundatae praesumptionis) будутъ имѣть силу только тогда, когда культъ былъ одобренъ въ древности, согласно декрету 1896 года священной конгрегаціи индульгенцій и реликвій: должно сохранять тоже почитаніе къ древнимъ реликвіямъ, какое существовало и до сихъ поръ, если только несомнѣнно не будетъ доказана ихъ ложность или подложность.

Относительно благочестивыхъ преданій нужно всегда имѣть въ виду слѣдующее. Церковь въ этомъ случаѣ настолько осторожна, что не дозволяетъ писать объ этихъ преданіяхъ безъ большихъ предосторожностей и безъ предварительной декларації, санкціонированной Урбаномъ VIII, но и въ этомъ случаѣ она не утверждаетъ истинности факта, а только не запрещаетъ вѣрить вещамъ, имѣющимъ человѣческіе доводы въ свою пользу. Это и постановила тридцать лѣтъ тому назадъ священная конгрегація обрядовъ: Эти явленія и откровенія не одобрены и не осуждены Апостольской Каѳедрой, а предоставлены чисто человѣческой вѣрѣ каждаго, сообразной относящимся къ нимъ преданіямъ и подкрѣпляемой заслуживающими вѣры свидѣтельствами и памят-

никами [1]). Кто держится этого, пусть ничего не опасается. Ибо культъ какого нибудь явленія, насколько онъ имѣетъ въ виду самый фактъ и называется относительнымъ (relativa), всегда предполагаетъ какъ условіе истинность факта, а какъ абсолютный, онъ всегда опирается на истину, ибо относится къ самой личности почитаемаго святого. Тоже самое должно установить и о мощахъ.

Наконецъ мы поручаемъ наблюдательному совѣту постоянно и внимательно наблюдать за соціальными учрежденіями и за сочиненіями, касающимися соціальныхъ вопросовъ, не скрывается ли въ нихъ модернистическая тенденція и соотвѣтствуютъ ли они предписаніямъ римскаго первосвященника.

VII.

Чтобы наши предписанія не забылись, мы желаемъ и повелѣваемъ, чтобы всѣ епархіальныя епископы по истеченіи года со времени изданія этого посланія, а потомъ черезъ каждые три года давали вѣрный и засвидѣтельствованный отчетъ объ исполненіи всѣхъ приказаній, содержащихся въ этомъ нашемъ посланіи, также какъ и о развивающихся среди клира доктринахъ, особенно въ семинаріяхъ и другихъ католическихъ учрежденіяхъ, не исключая и изъятыхъ изъ ихъ юрисдикціи. Тоже самое предписываемъ и генераламъ религіозныхъ орденовъ относительно ихъ подчиненныхъ.

Церковь и научный прогрессъ. Вотъ что, достопочтенные братья, мы сочли нужнымъ написать вамъ для спасенія всякаго вѣрующаго. Конечно, враги церкви воспользуются этимъ для возобновленія старой клеветы, будто мы враждебны наукѣ и прогрессу человѣчества. Чтобы снова опровергнуть эти постоянно опровергаемыя исторію христіанской религіи обвиненія, мы намѣрены всѣми силами содѣйствовать основанію особаго института, который, при участіи всѣхъ наиболѣе знаменитыхъ представителей знанія между католиками и подъ руководствомъ католической истины, будетъ содѣйствовать развитію всякаго знанія, всякой науки.

---

[1]) Декретъ 9 мая 1877 г.

Дай Богъ, чтобы намъ удалось осуществить это намѣреніе при содѣйствіи всѣхъ искренно любящихъ Церковь Христову. А пока, достопочтенные братья, увѣренные въ вашей ревности и стараніи, мы отъ всего сердца призываемъ изобиліе высшаго свѣта на вашъ духъ, чтобы при такой, угрожающей душамъ, опасности отъ всюду проникающихъ заблужденій, вы увидѣли свой долгъ и преисполнились мужествомъ и силою для его выполненія. Да будетъ съ вами силою Своею Іисусъ Христосъ, Виновникъ и Совершитель вѣры нашей. Пусть будетъ съ вами своею молитвою и помощью непорочная Дѣва, разрушительница всѣхъ ересей. Мы же, какъ залогъ любви нашей и божественнаго утѣшенія въ несчастіяхъ, отъ всего сердца посылаемъ вамъ вашему клиру и народу апостольское благословеніе.

Дано въ Римѣ, у Святого Петра, 8 сентября 1907 года въ пятый годъ нашего папствованія.

Пій X, Папа.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.